

КЭТРИН КУПЕР

БЕСТСЕЛЛЕР ТОП-5 THE SUNDAY TIMES

ШАЛЕ

ЧЕТЫРЕ ГОСТЯ. ОДИН ЭЛИТНЫЙ КУРОРТ.
И ОДНО ИДЕАЛЬНОЕ УБИЙСТВО...

Кэтрин Купер

Шале

Серия «Супер белый детектив»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66695716
Шале: Эксмо; М.; 2022
ISBN 978-5-04-161287-0

Аннотация

Французские Альпы, 1998 год.

Два молодых человека поехали кататься на горных лыжах в буран.

Назад вернулся только один.

20 лет спустя.

Четверо людей, так или иначе связанных с пропавшим, оказались в одном роскошном шале на том же самом курорте. Каждый из них хранит свой секрет. У двоих руки обагрены кровью. Один из них готовит убийство.

А кое-кто точно знает, что именно произошло в тот день.

И кто-то заплатит за это сполна...

Невероятно закрученная детективная история о том, что никто не застрахован от самых неожиданных поворотов судьбы – даже на элитных курортах, где, казалось, все схвачено и за все заплачено. А также о том, что зло обязательно наказывается – не важно сколько лет назад оно было совершено.

Содержание

Часть I	5
1	6
2	12
3	22
4	27
5	35
6	37
7	43
8	45
9	57
10	66
11	70
12	74
13	79
14	81
15	82
16	86
17	88
18	89
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Кэтрин Купер

Шале

*Посвящается моей маме – я очень тебя люблю
и скучаю*

Catherine Cooper

THE CHALET

© Catherine Cooper, 2020. This edition is published by
arrangement with Sheil Land Associates Ltd and The Van Lear
Agency LLC

© Голыбина И.Д., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Изда-
тельство «Эксмо», 2022

Часть I

Новостное агентство «Пресс ассоиэйшн»

18 января 2020 года

Последние новости: Гражданин Британии погиб на лыжном курорте Ла-Мадьер, Франция. Подробности неизвестны. Ожидайте дальнейших сообщений.

Конец

Декабрь 1998 года, Ла-Мадьер, Франция

Ненавижу таких типов. Являются в отпуск раз в год, с новехонькой экипировкой – «Саломон», «K2», – и думают, что всё тут знают. Они меня бесят. Что вообще эти люди могут знать?

– Значит, сегодня мы хотим спускаться вне трассы. Бэк-кантри. Где еще никто не ездил. Чтобы поэкстремальнее. Понимаете, что я имею в виду? – говорит один из них с сочным акцентом.

Да, я знаю, что ты имеешь в виду. Ты решил, что тебе такое под силу, потому что ездил пару раз в горы, когда учился в престижной школе, а теперь непыльная работенка в Сити позволяет тебе кататься дважды в год. Так вот, ты ошибаешься. И именно поэтому вынужден платить кому-то вроде меня, кто реально знает, что делает, за то, чтобы провести тебя по склону. Ведь ты, несмотря на дорогущую амуницию и жалкие попытки использовать подходящий жаргон, понятия не имеешь о горах. От слова совсем.

Но, конечно, я этого не говорю. Они же клиенты, в конце концов. Вместо этого просто киваю:

– Ок, никаких проблем. Есть одно подходящее место.

С приклеенной улыбкой я отвечаю на их

бессмысленные предсказуемые вопросы, пока мы на подъемниках добираемся до верха. Да, жить на лыжном курорте классно. Да, я тут круглый год. Вру насчет того, сколько я уже здесь, – это не их дело. Нет, я не собираюсь возвращаться в Британию и тэ дэ и тэ пэ. Я люблю горы. Здесь мой дом. И моя работа была бы почти идеальной, если б не клиенты.

На вершине нас встречает ветер силой не меньше 8 баллов. Менее самоуверенный из моих подопечных – я не потруился запомнить их имена, – строит гримасу, когда нас атакует очередной порыв.

– Черт, ну и дубак! – кричит он.

Второй, с виду немного старше – хотя тут трудно судить, потому что они по уши замотаны в шарфы, – хлопает его по спине и хохочет:

– Ты что как девчонка! В этом же самый смак!

Я опускаю очки, натягиваю пониже шапку и защелкиваю крепления ботинок. Двое моих клиентов до сих пор возятся с перчатками. «Ну же, скорее!» – мысленно поторапливаю их. Я сейчас околею.

– Эй! – окликает меня парень в куртке с логотипом, один из назойливых менеджеров туристической компании, которые меняются чуть ли не каждый год, топя к нам по снегу. – Ты выводил их на склон?

– Ну да, собираюсь, – отвечаю я, хоть это не его дело.

Он морщится.

– Надеюсь, они понимают, что делают.

«И надеюсь, что ты тоже понимаешь», – вот что он хочет сказать.

Закатываю глаза – он этого не видит, потому что на мне очки.

– Я бы их не повел, если б не был уверен, – окорачиваю его я. – Мы провели оценку рисков, они подписали все нужные документы.

– Хм... ну, они и мои клиенты тоже. Случись что – кучу бумаг заполнять придется, – предупреждает он. Как будто его бумаги меня интересуют.

– Ребята! – кричит менеджер (кажется, его зовут Ричард) своим клиентам, которые наконец-то, слава те, Господи, надевают лыжи.

– Вы там поосторожнее, хорошо?

– Само собой, – откликается старший. – Можем стартовать?

И тут появляется Энди, мой партнер по бизнесу. В который раз я жалею, что не основал «Ски-тастик» в одиночку.

– Ты что тут делаешь? – спрашиваю я. Наверняка Энди проверяет, чем я занимаюсь.

– Мои клиенты отменили спуск. Сказали, слишком холодно. Мне как, поехать с тобой?

Я предпочел бы спуститься один – не хватало только Энди, чтобы за мной присматривать и комментировать каждый шаг, – но мне и самому ясно, что нельзя произнести это вслух и выглядеть разумным. Поэтому пожимаю плечами и бормочу:

– Как хочешь. Мне без разницы.

И мы начинаем спуск.

Видимость отвратительная. Она и наверху была так

себе, но на склоне ветер ударяет прямо в лицо. Как я и предсказывал, мои клиенты справляются едва-едва. Они оба отметили в анкете пункт «многократное прохождение черных трасс» – ну конечно. Слепому ясно, что это вранье. Я пообещал им бэк-кантри, но на самом деле спуск куда проще – к счастью, для них. Я знал, что ни о каком хардкоре и речи быть не может. «Черный коридор», как его называют, на самом деле, конечно, не коридор, а просто крутой узкий склон. Официально это не трасса, но максимально мягкая нетрасса из всех, какие могут быть. Если вы знаете, что делать – а я знаю, – то стартуете от верхней точки канатки и выныриваете у нижней, ничего особенного. Никаких прыжков, никакого наста. Вообще не о чем волноваться. Но поскольку мы над ледником, эти лузеры смогут хвастаться, что «съезжали по коридору прямо через ледник», когда вернутся в свои жалкие тесные офисы, университеты или где они там работают. Я вижу их насквозь.

Естественно, по ним никак не скажешь, что они получают удовольствие. Энди немного задерживается, предупредив, что будет «подбирать отстающих», и предоставляет мне возглавить спуск. Один из клиентов, осторожно встав на трассу, едет следом за мной, но второй обгоняет нас, думая, видимо, что он такой особенный, раз не боится спускаться быстро, хотя на самом деле просто не контролирует скорость. Это не круто и не умно, а откровенно опасно. Энди проносится мимо меня, и я команду:

– Задержи его! Он не знает, куда едет! – Но рев ветра заглушает мои слова.

– Это сложнее, чем я ожидал, – кричит первый, более медленный.

Он пытается держаться уверенно, но в его голосе я слышу дрожь. Знаю, что должен бы сказать: «вы отлично справляетесь», но не могу себя заставить, потому что... это не так. Любезностью у нас отличается Энди, не я. Это единственная причина, по которой у меня есть бизнес-партнер. В отличие от Энди, я не особенно дружелюбен. Я здесь только ради гор, и клиенты для меня – неизбежное зло. Зато Энди обожает болтать с ними: показывать Монблан, хвастаться тем, что горы и есть наш офис, расписывать, какая прекрасная у нас работа – лучшая в мире, и всё в таком роде. Поэтому вместо того, чтобы утешить страдальца, как сделал бы мой партнер (то есть соврать), я поворачиваюсь и просто говорю: «Следуйте по моей лыжне. Не отдаляясь».

Мы нагоняем второго парня, которому хватило-таки ума притормозить, но после короткой беседы о том, как важно учитывать свои возможности, я продолжаю спуск, теперь уже с большей скоростью, чем следовало бы при данных обстоятельствах, чтобы наверняка оставаться впереди. Он меня не перегонит – как спортсмен, я выше его на голову, да и к тому же я тут за все отвечаю. Они должны держаться за мной, ехать по моим следам – я им уже говорил. Зачем было меня нанимать, если они не собираются следовать

инструкциям?

Энди, как назло, нигде не видно – наверняка летит сейчас стремительно вниз. Делаю еще пару поворотов, опять быстрее, чем надо, чтобы клиенты меня не обогнали, и оглядываюсь, чтобы проверить, где они.

И понимаю, что оба исчезли.

2

Январь 2020 года, Ла-Мадьер, Франция
Реза

– Шампанского? – спрашивает потрясаяще красивая девушка в рубашке поло с неброским логотипом на груди; в руках у нее поднос с высокими серебряными бокалами. Я улыбаюсь и беру один.

– Благодарю.

– Как вы до нас добрались? – мурлычет она, и – как ни удивительно – правда ждет ответа.

– О... Отлично. Спасибо.

– Я Милли. Буду обслуживать вас в вашем шале всю неделю, и если вам что-то понадобится – что угодно, – просто дайте мне знать.

Легкий сквозняк знаменует появление Хьюго, который входит в дверь и по-хозяйски кладет руку мне на талию. Я вздрагиваю.

– Шампанского, сэр? – говорит девушка, протягивая ему поднос, и повторяет: – Я – Милли, и если вам что-то понадобится...

– Здорово, – отвечает он.

– Может быть, присядете у камина, а Мэтт пока принесет ваши вещи? – продолжает Милли.

– А я угощу вас канапе. Остальные должны приехать в течение часа; наверное, лучше дождаться их, прежде чем подавать ужин?

Кивнув, она разворачивается и скрывается за деревянной дверью, видимо, ведущей в кухню.

Мы с Хьюго усаживаемся рядышком на один из громадных диванов у полыхающего огня. Я делаю щедрый глоток шампанского, Хьюго медленно тянет из своего бокала.

– Ничего себе местечко, да? – говорит он.

Действительно... Одна стена в доме полностью стеклянная, и хотя сейчас уже темно, вид на долину, переливающуюся огнями, просто поразителен. Уверена, днем будет еще красивей. Гостиная с двойным светом, каменные стены, большущий обеденный стол с мраморной столешницей, повсюду роскошные шкуры. Когда мы приехали, у входа горели настоящие факелы.

– Да, местечко ничего, – соглашаюсь я.

До встречи с Хьюго я в таких никогда не бывала.

– Здорово ты придумала приехать сюда, – замечает он.

– Я знала, что тебе понравится, – откликаюсь я равнодушно.

– Наверняка и Саймону понравится тоже, – добавляет он. – Очень... достойно.

– *Достойно?* – переспрашиваю я, безуспешно пытаюсь скрыть сарказм. – Серьезно?

Хьюго обижается, и на мгновение мне становится нелов-

ко. Конечно, он может быть утомителен, но в целом действует из добрых побуждений. Эта неделя для него очень важна, и я это знаю.

– Кто он такой, особа королевских кровей?

– Ладно, может, «достойно» не совсем верное слово, – бормочет Хьюго. – Но если Саймон хорошо проведет эту неделю, у нас будет куда больше шансов продать ему долю в компании. Ты же знаешь, как это бывает.

Я киваю, прикидывая, не померещился ли мне скрытый за этими словами подтекст: «Так что веди себя как следует и не вздумай поставить меня в неловкое положение».

Он берет меня за руку.

– Теперь ты рада, что поехала со мной?

Я поворачиваюсь к нему и улыбаюсь.

– О да. – Чистая ложь.

* * *

Саймон прибывает около часа спустя и оказывается ровно таким, каким я его себе представляла, – обрюзглым, краснолицым и громогласным. Прядь волос, прикрывающая лысину, кажется крашеной. Его жена Кэсс, наоборот, опровергает мои ожидания: она лет на двадцать младше нас всех – вполне могла бы приходиться Саймону дочерью, – с шикарными светлыми волосами и, что самое удивительное, крошечным младенцем на руках. О ребенке Хьюго не упоминал. За ни-

ми следует еще одна девушка едва за двадцать, как и Кэсс, – видимо, няня.

После традиционных хлопков по плечу и легкой пикировки (между Хьюго и Саймоном), воздушных поцелуев и восторгов в адрес ребенка (восторгаемся мы с Кэсс, я – неискренне) няня – ее зовут Сара – уносит крошку Иниго, и мы усаживаемся ужинать за гигантским столом.

Ужин роскошный. Опять шампанское с изысканными закусками, потом воздушнейшее суфле, перепелки с картофелем-дофин и ассорти десертов. Ну и, конечно, вино рекой.

Я думала, что обычно девушки, обслуживающие шале, ужинают с гостями, но выясняется, что наше шале не такое. Конечно, надо было догадаться. Даже не догадаться, а знать, ведь это я занималась бронированием. Милли неслышно перемещается между столом и кухней, приносит блюда, забирает пустые тарелки, подливает вино и воду, чтобы ни у кого не стоял пустой бокал. Саймон зычно что-то рассказывает – я не прислушиваюсь, – и Хьюго то заходится смехом, то подкивает изо всех сил. Я ощущаю укол ненависти, который сразу сменяется чувством вины. Я знала, во что ввязываюсь, когда выходила за него замуж. Он тут ни при чем.

За ужином мы с Кэсс поддерживаем вежливую беседу. Она милая, но скучная. Я спрашиваю ее про ребенка, хотя во всем мире не найдется человека, менее интересующегося младенцами, чем я, и Кэсс отвечает – любезно, но как-то отстраненно. До рождения Иниго она занималась кейте-

рингом. Пока не решила, вернется ли на работу, но скорее всего, нет; Саймон настаивает на том, чтобы жена оставалась дома. Кэсс не особо разговорчива. Я немного рассказываю про свою работу и нашу с Хьюго свадьбу, она улыбается и кивает; глаза у нее стеклянные.

Надо было лучше постараться и донести-таки до Хьюго, что нет никакой необходимости мне ехать с ним на эту неделю.

Милли возвращается с подносом – на нем кофе и травяной чай – и аккуратно расставляет чашки на столе.

– Если больше ничего не нужно, я могу вам пожелать спокойной ночи? – говорит она, тактично придавая фразе вопросительное звучание. Наверняка ей уже не терпится уйти. – Увидимся с вами утром. Во сколько вы хотели бы позавтракать?

– В восемь часов, пожалуйста! – заявляет Саймон, даже не пытаясь встретиться взглядом с остальными, чтобы получить согласие. – Мы же собрались попасть на первый подъемник, правда, Хьюго?

– Конечно! – соглашается тот, вполне предсказуемо. Любое слово Саймона на этой неделе – закон.

– Дамы, – обращается к нам Саймон, – я взял на себя смелость пригласить для вас инструктора. Надеюсь, вы не против.

Я уже открываю рот, чтобы возразить, – не собираюсь я подниматься в восемь утра, и урок лыж мне не нужен. Но

Хьюго стреляет в меня глазами, и приходится закрыть рот обратно, хотя внутри я так и киплю.

– Звучит здорово, – отвечает Хьюго.

– Прошу прощения, но, думаю, мне пора в постель, – говорю я, театрально зевая, и беру со стола свой травяной чай. – Выпью у себя в комнате.

– Я присоединюсь к тебе через минуту, дорогая, – отзывается Хьюго. Мне хочется чесаться; делаю вид, что не услышала его.

* * *

Наша спальня почти такая же впечатляющая, как гостиная. Огромная кровать с хрустящими белыми простынями и невероятно пышным одеялом почти полностью закрыта меховыми подушками и пледами. Глажу мех рукой – он настоящий.

Стены здесь тоже каменные, с деревянными панелями, как и внизу. За громадной раздвижной дверью – ванная с ванной на двоих и душем, выложенным мраморной плиткой. Сбрасываю туфли и ступаю на подогреваемый пол, температура которого регулируется сенсорной панелью на стене.

В спальне идеальный порядок, потому что наши вещи, прибывшие в дорожном наборе от «Малбери» (свадебный подарок матери Хьюго), уже распакованы и разложены по местам. Это одна из обычных услуг в подобных местах, кото-

рую я ненавижу, – мне не нравится, что чужой человек трогает мои вещи. Проверяю, на месте ли мой кошелек и планшет, хоть и на секунду не допускаю мысли, что их могли украсть.

Отворачиваю кран над гигантской ванной и выливаю в нее содержимое зеленой бутылочки с логотипом «Гермес». «Гермес» – как мило... Раздеваюсь, бросая одежду прямо на пол. Беспорядок наверняка разозлит Хьюго, но мне плевать. Погружаюсь в пену, закрываю кран и жмурю глаза. Еще каких-то семь дней...

* * *

– Реа?

Голос Хьюго пронзительный и чересчур громкий. Я распахиваю глаза. Вода едва теплая – наверное, я задремала.

– Ты не видела мою книгу?

Он бросает в мою сторону многозначительный взгляд – уж не знаю, упрек это или беспокойство.

– Нельзя спать в ванне! Это опасно.

Я вылезаю из воды, и Хьюго протягивает мне халат, но сначала жадно пробегает глазами по моему обнаженному телу. Брр...

– Знаю, – говорю. – Просто я слишком устала. Долгий выдался день.

Хьюго легонько пробегает пальцами по моей шее, потом по груди и до талии.

– Слишком устала, чтобы... – интересуется он.

Я целую его в щеку и отвечаю:

– Давай-ка сначала прими душ, а там посмотрим, – прекрасно зная, что, когда Хьюго ляжет в постель, я уже приворюсь спящей.

* * *

Я крепко закрываю глаза и стараюсь дышать медленно и ровно, когда Хьюго укладывается рядом со мной. Он ласково целует меня в плечо, и, кажется, до меня доносится разочарованный вздох, с которым Хьюго отворачивается и выключает свет.

* * *

Такое ощущение, что сейчас глубокая ночь, но я слышу стук в дверь.

– Доброе утро! Я принесла вам чай. Можно войти? – мягко спрашивает Милли сквозь двери.

Я утыкаюсь лицом в подушку, игнорируя эрекцию Хьюго, которую чувствую спиной.

– Заходите, мы одеты, – бормочет Хьюго, зажигая свет.

– Оставлю поднос здесь, – говорит Милли и, деликатно отводя глаза, ставит чай на стол. – Завтрак будет готов в во-

семь, но можно и повременить, если вы хотите еще поваляться.

Я чувствую несвежий запах дыхания Хьюго, пока он потягивается и зевает, когда за Милли захлопывается дверь.

– Не вариант, – говорит он, – раз уж тут Саймон... Давай, – взмахом руки отбрасывает одеяло, – подъем!

Я, сонная, пытаюсь сесть.

– Саймон что-то говорил про урок лыж... Мне правда надо туда идти?

– Я буду очень признателен, если ты пойдешь, – кричит Хьюго из ванной. – Мне надо, чтобы ты провела время с Кэсс. Выяснила, какие у Саймона планы.

– Планы?

Он распахивает дверь и, закатив глаза, вытаскивает изо рта зубную щетку.

– Насчет бизнеса! Он собирается покупать? Как произвести на него впечатление? Что надо сделать, чтобы его убедить? Ну и всё в этом роде.

Оборачивает полотенце вокруг бедер и начинает бриться.

– Тебе же не трудно? Кэсс раньше каталась, но немного подрастеряла навыки с тех пор, как родила, по словам Саймона. Вам не придется кататься на детской горке, не беспокойся. Просто Саймон подумал, что с инструктором будет надежнее. По-моему, это даже мило. Такая забота!..

Я вздыхаю и выбираюсь из-под одеяла.

– Ладно. Но если мне станет скучно, я извинюсь и уйду.

Встаю под душ и поворачиваю кран, наслаждаясь мощным потоком слегка обжигающей воды из дождевой лейки над головой. Хотя я и предпочла бы находиться сейчас где-нибудь в другом месте, надо признать, условия тут фантастические.

Закончив бриться, Хьюго роняет полотенце на пол и, не спрашивая разрешения, присоединяется ко мне под душем. Это последнее, чего мне сейчас хотелось бы, но я не могу придумать ни единого предлога, чтобы его прогнать.

Декабрь 1998 года, Ла-Мадьер, Франция

Куда они подевались? Можно позвать их, но я не помню имен. Это Энди все знает.

– Вы как там? – кричу я.

Молчание. Ветер усиливается, видимость становится еще хуже.

– Парни? Вы где?

Наконец Энди показывается ниже по склону, и я плавно заворачиваю в ту сторону.

– Это что такое? – рывкаю я, намеренно обдав эту сволоочь снегом при торможении.

– Я потерял клиентов!

Внутри меня нарастает паника, хотя моей вины тут нет. Я ни при чем. Клиенты не должны были мне лгать. Не должны были говорить, что катаются куда лучше, чем на самом деле. Что, если бы я действительно повел их на спуск, о котором они просили? Если б выбрал что-то покруче и посерьезнее? Где бы мы были тогда?

– Они спускались с тобой, – отвечает Энди.

– А твое дело было присматривать! – взрываюсь я.

– Черт подери, да успокойся, Кэмерон! Всё с ними в порядке. Наверное, уехали вперед – в такую погоду и не уследишь...

– Я бы заметил, если б они меня обогнали, –

возражаю я.

– Ну да, может быть, но какая разница! Если будем тут стоять, все равно ничего не изменится. Лучшее, что можно сделать, это спуститься и посмотреть: вдруг они уже внизу... А уж если их там не окажется, будем решать, что дальше.

Энди срывается вниз, не дожидаясь моего ответа, и практически сразу исчезает, потому что видимость нулевая. Я, разъяренный, устремляюсь следом. Никто не обгонит меня на склоне, просто чтобы доказать, что катается лучше. Через пару секунд я обгоняю эту мразь – вниз, вниз, вниз! Я почти ничего не вижу, но это не имеет значения: я знаю склон так хорошо, что мог бы спуститься по нему с закрытыми глазами. Собственно, с учетом погоды, именно это сейчас и происходит.

Я так рвусь обогнать Энди, что вспоминаю о пропавших клиентах только внизу. Черт! Ну и где они?

Смотрю вверх на склон, но там никого нет. Через пару секунд подкатывает Энди.

– Мне-то казалось, мы ищем клиентов! Куда ты так помчался?

– Посмотреть, не догону ли их, если они впереди, – обманываю я. – Не хотел, чтобы они решили свалить домой, потому что мы вроде как бросили их одних тут мерзнуть.

Но куда же они все-таки подевались?

– Тебе они не попались? – спрашиваю Энди.

– Нет.

Пауза.

– Думаешь, надо кому-нибудь позвонить? Сообщить, что у нас клиенты сбежали в самоволку?

Несмотря на ледяной ветер, я чувствую, как у меня по спине под курткой сбегает струйка пота.

– Наверное, рановато. Уверен, что они в порядке. Давай поднимемся на канатке вверх и спустимся еще раз, только медленно. Наверняка во второй раз мы их подберем. Поможешь? – спрашиваю я, хотя мне убийственно трудно выговорить это слово.

Энди смотрит на меня с подозрением.

– Ага. Помогу. Опасно оставлять их одних при такой погоде. Давай, поехали.

* * *

Мы возвращаемся на подъемник, где стало еще холодней и ветреней. Я потуже завязываю на шее шарф и зарываюсь подбородком в ворот куртки. Всматриваюсь через метель на трассу – вдруг клиенты все-таки вырулили на нее: проход из коридора есть, но надо знать дорогу. Нет, никого не видно. Похоже, трасса пустая – любой в здравом уме отменил бы катание на сегодня.

Примерно на полпути подъемник вздрагивает и замирает, оставив нас качаться на ветру, ревящем в ушах. Мы сидим молча, кутаясь в куртки, отворачивая лица от ветра. Через пару минут, которые кажутся вечностью, раздастся скрип, и подъемник снова начинает движение. Слава богу!

– Скорей бы убраться с этой горы! – бормочет Энди. – Холодина невозможная. Одному богу известно, с чего эти бедолаги решили-таки прокатиться.

Подъемник снова останавливается – совсем близко от станции. Кто-то упал, слезая с сиденья, и почему-то целую вечность не может подняться, хотя парень, управляющий канаткой, бросился ему на помощь. На снегу валяется что-то розовое – шапка или шарф. Я смотрю, как упавший наклоняется за ним и одновременно роняет палку.

– Скорее! – бормочу я сквозь стиснутые зубы. Пальцы у меня болят от того, как сильно я сдавливаю ими запястья. Энди бросает на меня косой взгляд:

– Все будет о'кей. Успокойся.

– Я спокоен! – рывкаю ему в ответ, но это ложь. Я отнюдь не спокоен.

Наконец, подъемник трогается, и вот мы уже спрыгиваем на снег.

– Ладно, я еду по левой стороне, ты – по правой. Спускаемся очень медленно. Оба, – с нажимом добавляю я.

Такое чувство, что меня сейчас вырвет. Тропа узкая, и в действительности я хочу сказать: «надо осматривать обочины», но слова застревают у меня в горле. Погода продолжает портиться, мы все равно ничего не увидим. Энди мрачно кивает. Невысказанное замечание так и повисает в воздухе.

Я чувствую себя все хуже по мере того, как мы молча катимся вниз. Пытаюсь заглядывать за края тропы,

но это бессмысленно. Периодически мы кричим: «Эй, вы здесь? С вами всё в порядке?» – но наши голоса теряются в шуме ветра. Мы добираемся до низа и обмениваемся взглядами.

Я так замерз и перенервничал, что едва могу говорить.

– И что теперь?

Январь 2020 года, Ла-Мадьер, Франция
Реа

Я не хотела сюда приезжать по многим причинам, но все равно очень здорово побывать в горах. Светит солнце, небо голубое, а воздух прозрачен и чист. Этим утром я выбралась из дома, чтобы сыграть роль идеальной жены и покататься с Кэсс, как хотел Хьюго, но очень скоро поняла, что совершила ошибку. Извини, Хьюго. Кэсс слишком молодая и слишком скучная, и после того, как я задала пару вопросов о ребенке, который меня не интересует, и ее прошлом бизнесе (вроде, кейтеринг), тем для разговора у нас не осталось.

Я направилась обратно к шале в надежде, что там никого не будет и я смогу полежать в уличной джакузи в одиночку. Но вот я открываю дверь и тут же слышу шаги. Милли появляется на верхней площадке лестницы, оправляет рубашку поло с логотипом и изображает на лице приветливую улыбку.

– Здравствуйте, Реа! Я не ожидала вас так рано – мне показалось, Саймон нанял вам инструктора на весь день... – Она морщит лоб. – Надеюсь, всё в порядке?

– Да, все отлично – я просто решила немного полежать в джакузи.

Это звучит немного резче, чем рассчитывалось, поэтому

я улыбаюсь, чтобы сгладить впечатление. Иногда я забываю, как должна себя вести идеальная супруга бизнесмена. Точнее, не забываю, а просто не хочу.

– Я давненько не каталась, и ноги у меня уже болят. Ничего, если я воспользуюсь джакузи? Не хотелось бы вам мешать...

– Да-да, конечно! – торопится Милли. – Как вам будет угодно. Я пойду сниму крышку, пока вы будете переодеваться. В комнатах я уже убрала. Принести вам что-нибудь – может, бокал шампанского? Или воды?

Качаю головой:

– Ничего не нужно, спасибо.

Милли скромно кивает, спускается по лестнице и выходит на просторную террасу, где снимает с джакузи крышку, и от горячей воды тут же начинает подниматься пар. Переодевшись, я провожу остаток утра, наслаждаясь попеременно то джакузи, то лежанием в шезлонге. Милли приносит мне электрическое одеяло. Я соглашаюсь на ее предложение выпить бокал шампанского (а может, и парочку). Какое блаженство!

* * *

Удивительно, насколько меняется за день мое настроение – к началу вечера я уже чувствую, что почти рада быть тут. Почти. Двухэтажная гостиная с камином, звезды на небе, ле-

дяное шампанское... Могло быть гораздо хуже.

– Реа, хочу познакомить вас с Мэттом, – говорит Милли, предлагая мне поднос с закусками.

Мэтт в такой же рубашке поло, как у Милли, и в целом похож на нее, только старше – идеально ухоженный и с приклеенной улыбкой.

– Я представитель компании «Сноу-Сноу» на этом курорте, – добавляет он, пожимая мне руку. – У нас тут пять шале, а по всем Альпам, как вы знаете, двадцать, но мы очень гордимся нашим индивидуальным сервисом. Ваше шале вам нравится?

– Да, оно очаровательное, – отвечаю я. – В жизни даже лучше, чем на фотографиях.

Чувствую, что краснею – сама не зная почему.

– Мы им гордимся особо – оно самое роскошное, хоть и относительно небольшое, – замечает Мэтт. – Как прошел ваш день – выходили на трассу?

– Да, ненадолго. Мне очень понравилось. И джакузи тоже.

Он исподтишка окидывает меня взглядом с головы до ног – наверняка представляет, как я выгляжу голой. Хьюго подходит и обнимает меня за плечи, но я сбрасываю его руку, делая вид, что тянусь за канапе.

– Мэтт, это Хьюго, – говорю я, намеренно не упоминая, что он мой муж.

Хьюго пожимает Мэтту руку и заводит скучнейшую сагу о том, как они с Саймоном сегодня покатались, об особен-

ностях лыж, о важности разного оборудования и прочих вещах, про которые Мэтту точно не хочется слышать.

Я ненадолго отвлекаюсь, а когда снова включаюсь в беседу спустя пару секунд (или минут, кто знает), они уже говорят о том, как давно Мэтт работает на этом курорте и каковы его планы на будущее.

Наконец мы все усаживаемся ужинать. Я специально выбираю место рядом с Мэттом – не то чтобы он правда мне понравился, но флирт с ним все-таки скрашивает мой вечер.

* * *

Ужин опять восхитителен, а вино выше всяких похвал. Я пью больше, чем следовало бы. Хьюго вряд ли понравится, если я напьюсь, особенно в присутствии потенциального инвестора, но мне плевать. Сегодня мне хочется напиться, и я собираюсь это сделать. Только алкоголь может мне помочь продержаться эту неделю; к тому же это неплохой предлог задержаться завтра утром в постели, а не топать на занудный урок лыж с занудной Кэсс и слушать ее занудные истории про ее занудного ребенка. Хьюго жалок в своей подобострастности: он только и делает, что хихикает над сальными шуточками Саймона да бросает на меня испепеляющие взгляды, когда думает, что другие не смотрят.

Милли подходит к столу, и Хьюго прикрывает ладонью мой бокал.

– Кажется, тебе достаточно, да, дорогая? – говорит он с натянутой улыбкой. Он очень редко позволяет себе подобное – говорить, что мне делать, а что нет. Ясно, до чего ему охота произвести на Саймона впечатление.

Что касается меня, я не собираюсь отказываться от выпивки, раз уж мне захотелось.

– Нет, я так не думаю, – отвечаю я, сбрасывая его руку с бокала и поворачиваясь к Милли. – Еще этого дивного красного, пожалуйста. Спасибо.

Милли колеблется, а потом наливает мне немного. Я даже жалею ее – нечестно втягивать постороннего человека в наше препирательство с Хьюго. Надо будет оставить ей щедрые чаевые перед отъездом.

– Вообще-то, – начинаю я, намеренно запинаясь, чтобы позлить Хьюго за его попытку меня усовестить, – мне пришлось в голову сыграть в пьяные игры. Кто за?

– Обожаю пьяные игры! – чуть ли не вскрикивает Саймон. – Вот это девчонка у тебя, Хьюго, – добавляет он, поднимая бокал в сторону моего мужа. Хьюго пронзает меня взглядом, и я ухмыляюсь.

– Как насчет «Я никогда в жизни...» – рокошет Саймон.

– Отлично! Я начинаю, – вклиниваюсь я. – Я никогда в жизни... не занималась сексом втроем.

Саймон оглушительно хохочет. Хьюго смотрит на меня в ужасе. Мэтт, хмыкнув, отпивает из своего бокала.

– Мэтт, – восклицает Саймон, – теперь давай ты! Хочу

послушать твою историю. Ну-ка, вперед!

Кэсс резко встает из-за стола.

— Прощу прощения... — Она оттягивает вниз рукава своего на удивление старомодного кардигана и бросает нервный взгляд на распалившегося мужа. — Я пойду проверю, как там Иниго, а потом лягу спать. Увидимся утром.

Не дожидаясь ответа, она принужденно улыбается и выходит из гостиной. Саймон даже не смотрит на нее.

— Ну же, ну, — подзадоривает он Мэтта.

Мэтт откашливается.

— Я никогда в жизни... не был в Зимбабве.

— Ох, ради бога! — возмущается Саймон. — Не обязательно быть таким вежливым и деликатным, раз мы твои клиенты. Хотя, — он опустошает свой бокал, — я все равно за это выпью, и ты, Хьюго, и ты, девочка.

Хьюго послушно пьет до дна и смаргивает. Выпивоха из него никакой.

— Давай еще!

Мэтт ухмыляется.

— Ну ладно... Я никогда в жизни... не имел гомосексуальных связей.

Хьюго краснеет, а Саймон смотрит на меня выжидающе, пока я допиваю свой бокал и опускаю его на скатерть.

Саймон хлопает по столу ладонью.

— Класс! Великолепно! Вот это была бы картина... Ну а теперь, Реа, твоя очередь.

– Я никогда в жизни... – Слова «не влюблялась» так и рвутся у меня с языка, но вместо этого я говорю: – Не сидела в тюрьме.

Никто не пьет. Я кладу руку Мэтту на бедро. Он ее не отталкивает.

* * *

Еще через несколько кругов Хьюго, явно разозленный моим отказом изображать из себя идеальную жену, объявляет, что ему пора ложиться, и Милли тоже откланивается. Моя рука к этому времени уже добралась до ширинки Мэтта; я чувствую, что у него эрекция. Хорошо бы и Саймон ушел спать, но он подливает себе в бокал еще вина и требует продолжать игру.

Внезапно на меня накатывает усталость, как это часто бывает, когда перепьешь. Я забираю свою руку, поднимаюсь и говорю:

– Всё, мне хватит. Пойду ложиться. Всем спокойной ночи.

Мэтт смотрит на меня с изумлением – он-то уже решил, что ему сегодня обломится. Может, и да. Но в другую ночь.

Спотыкаясь, я поднимаюсь по лестнице в нашу спальню, думая, что там будет темно, но Хьюго сидит в кровати, стиснув зубы, и притворяется, что читает. Он откладывает в сторону книгу и, щурясь на меня, шипит:

– Как ты посмела поставить меня в такое положение!

Я отмахиваюсь от него и проскальзываю в ванную.

– Все нормально. Саймону понравилось. Ты же здесь, чтобы произвести на него впечатление, и я, собственно, тоже. Так что я оказала тебе услугу.

Я склоняюсь к зеркалу и улыбаюсь сама себе.

– Он думает, что я *классная*.

– А я – нет, – раздраженно отвечает Хьюго, стоя в дверях ванной в боксерах «Хьюго Босс», которые я заставила его носить вместо уродливых трусов с ширинкой; одно из небольших усовершенствований, привнесенных мной в его жизнь после нашей свадьбы. – А то, как ты заигрывала с Мэттом – боже мой! Что я такого сделал, чтобы это заслужить?

Я окидываю его утомленным взглядом и говорю:

– Ничего, дорогой.

Не хватало еще, чтобы Хьюго мне выговаривал! Но я знаю, как положить этому конец; к тому же я настолько пьяна, что идея не кажется мне слишком отвратительной. Тянусь к нему и залезаю рукой в трусы. Хьюго делает жалкую попытку оттолкнуть мою руку, но я-то знаю, что он не может передо мной устоять. К счастью, это не занимает много времени.

Декабрь 1998 года, Ла-Мадьер, Франция

– Нам придется заявить об исчезновении, – говорит Энди. – Официально.

Меня снова мутит.

– Тебе не кажется, что сейчас еще рано? Может, они давно спустились и сейчас попивают глинтвейн в баре, пока мы тут торчим?

Пауза.

– Считаешь?

Черт.

– Да не знаю я! – кричу в ответ. – В любом случае у нас серьезные неприятности.

Конечно, мы думаем об одном и том же. Если сейчас вызывать спасателей, а окажется, что с клиентами всё в порядке, все равно мы будем инструкторами, у которых двое потерялись на маршруте. Такие новости разлетаются в мгновение ока, и никто больше к нам не обратится. А если клиентов в баре нет, если они действительно пропали, тогда...

– Мы ничего не можем сделать, Кэмерон! – выкрикивает мне в лицо Энди, тоже начиная паниковать.

– Надо подумать. Что-то предпринять. Какой у нас сейчас выход? Может, проверить, не вернулись ли они

к себе в шале?

– Да бога ради! – взрываюсь я. Потом делаю глубокий вдох. Успокоиться. Нужно успокоиться.

– Ладно. План такой, – говорю наконец. – Ты беги назад в офис и звони в шале. А я поднимусь и еще раз проверю тропу. Свяжешься со мной по рации, как только дозвонишься, а я вызову тебя, если найду их до твоего возвращения. Если их нигде не будет, то придется заявить.

Энди ничего не отвечает.

– Договорились? – настаиваю я. – Хватит двадцати минут, чтобы позвонить и вернуться назад. Нет смысла устраивать панику без причины; вполне может быть, что с ними всё в порядке. Так?

Энди кивает.

– Ну да. Я иду. Вернусь через двадцать минут. Чтобы нас не подслушали по рации – если все о'кей, я говорю «порядок», и... не знаю, «тут никого», если нет. И ты тоже.

Я смотрю, как Энди катится вниз по склону, а сам потом топаю к подъемнику, пытаюсь отворачиваться от ветра. Страшные слова «если нет» так и висят в воздухе.

Январь 2020 года, Ла-Мадьер, Франция
Реа

Опять деликатный стук в дверь, опять входит Милли с утренним чаем. Я лежу, не открывая глаз. Голова трещит, во рту пересохло. Неохота наткаться на неодобрительный взгляд Хьюго и выслушивать лекцию о том, что мне надо держать себя в руках, если мы хотим залучить Саймона в компанию. На самом деле, мне плевать. Не надо было вообще сюда ехать. И, возможно, не надо было выходить за Хьюго.

Я слышу, как дверь тихонько захлопывается, и тут Хьюго тычет мне в спину. К счастью, этим утром – просто рукой.

– Реа, ты не спишь?

Я бормочу что-то неразборчивое в надежде сойти за спящую. Хьюго вздыхает, выбирается из постели и идет в душ. Я продолжаю притворяться, что сплю, пока он одевается. Хотя бы не пытается меня будить. Наверное, до сих пор злится за вчерашний вечер... Как только Хьюго выходит из спальни, я снова проваливаюсь в сон.

Проходит, кажется, пару секунд – и тут Хьюго рывком распахивает дверь и говорит, теперь уже в полный голос:

– Реа! Просыпайся! Сейчас же!

Я открываю глаза и сонно таращусь на него.

– Что такое? Почему мне нельзя поспать? Мне что, каждое утро надо таскаться в горы с этой чертовой Кэсс? Я думала, мы едем в отпуск – по крайней мере, я, – а не на корпоративное мероприятие. Почему я не могу поваляться в постели, если мне охота?

– Боже, Реа, почему ты всегда думаешь только *о себе*? – резко отвечает Хьюго, что для него нехарактерно. – Мне наплевать, что у тебя похмелье. Так тебе и надо за вчерашнее. Но встать все равно придется. Кэсс пропала, и надо идти ее искать.

Я сажусь и протираю глаза.

– Что? С какой стати ее искать? Она взрослая женщина. Может, пошла прогуляться или еще куда...

Хьюго вздыхает.

– Может, и так, но Саймон места себе не находит. Похоже, у нее послеродовая депрессия, и он беспокоится, что она могла что-нибудь сделать с собой. Говорит, что Кэсс никуда не вышла бы без ребенка, да еще никому не сказав.

Я тоже вздыхаю и валюсь назад в подушки.

– Да почему нет – ребенок же постоянно с няней... Кэсс, по-моему, вообще с ним не сидит.

Хьюго подскакивает к постели и сдергивает с меня одеяло. Я переворачиваюсь на живот, внезапно ощутив неловкость.

– Не важно, что думаем я или ты, – начинает он приглушенным голосом. – Я тоже уверен, что с ней всё в порядке. Но надо сделать вид, что мы пытаемся помочь. Что мы волнуемся... я и правда волнуюсь, в отличие от тебя. Так что давай вставай и одевайся, ясно?

* * *

Я залезаю под душ, принимаю парацетамол и две таблетки «Берокки», чтобы прийти в себя, а потом спускаюсь в гостиную.

Саймон сидит на кожаном диване, держа ребенка на руках и глядя в пространство. Мэтт на телефоне – говорит по-французски, оживленно жестикулируя, – а Милли, встревоженная, стоит в неловкой позе возле дивана и поглаживает Саймона по плечу.

– Саймон? – говорит Хьюго. – Чем мы можем помочь? Может, нам пойти осмотреть окрестности? Проверить, где она?

Я выглядываю в окно – там валит снег. Очень-очень густой. *Прошу, скажи нет*, – мысленно взываю я.

Саймон игнорирует вопрос, поднимается с дивана и с отсутствующим видом протягивает малыша Хьюго. Тот что-то сюсюкает, и Иниго начинает смеяться.

– Что тут у нас за хорошенький мальчик? – вопрошает Хьюго тоненьким голоском, которым, кажется, только и говорят с детьми.

Саймон бросает на Хьюго полный отчаяния взгляд, проводит ладонью по своим редющим волосам и начинает ходить взад-вперед вдоль гигантской стеклянной стены. Хьюго следит за ним глазами, состроив сочувственную гримасу, и осторожно качает ребенка.

– Это я виноват, – бормочет Саймон придушенным хриплым голосом. – Не надо было мне засиживаться вчера допоздна. И пить не надо было. Лучше б я пошел спать вместе с Кэсс, побыл с женой и ребенком... Да, это я виноват. Она сейчас не в лучшей форме. Не надо было сюда ее везти. Если с ней что-то случилось...

Милли снова гладит его по плечу.

– Уверена, с ней всё в порядке, Саймон, – говорю я, стараясь вложить в голос максимум сочувствия. Хьюго наверняка впечатлен. – Может, она просто пошла проветриться, ничего особенного...

Мэтт вешает трубку.

– Итак, я позвонил жандармам, и они пообещали ее поискать, но предпринимать что-то еще рано, поскольку она взрослая и ее нет всего пару часов. Также я связался с тури-

стическим офисом и мэрией, но у них...

– Больницы! – вскрикивает Саймон, замерев на месте. – Надо обзвонить больницы!

Мэтт и Милли обмениваются взглядами. Сара, только что принесшая для Иниго одеяльце, закатывает глаза, глядя на меня, и я едва сдерживаюсь, чтобы не хмыкнуть. Она протягивает к Хьюго руки, чтобы забрать малыша, и Хьюго, прежде чем передать его, целует Иниго в лоб. Брр...

– Может, нам стоит немного подождать? Вдруг Кэсс сейчас вернется? – осторожно спрашивает Мэтт. – В конце концов, у нас пока нет никаких подтверждений, что с ней что-то случилось...

Саймон плюхается на диван и обхватывает голову руками.

– Пожалуйста, обзвоните ближайшие больницы! – негромко отвечает он, не поднимая глаз. – Я сделал бы это сам, но я не говорю по-французски.

– Конечно, – отвечает Мэтт своим профессиональным тоном, за которым наверняка таится раздражение. – Я сейчас же позвоню.

– А мы обойдем окрестности, – говорит Хьюго. – Должна же она где-то быть.

Он бросает на меня многозначительный взгляд. Я ничего не отвечаю. Но потом смотрю на Саймона, и он кажется мне таким несчастным, что я против воли говорю:

– Да-да, я тоже иду. Только надену что-нибудь потеплее.

Мы с Хьюго договариваемся, что быстрее осмотрим поселок, если разделимся. Шале стоит на окраине, в конце дороги, поэтому, спустившись по ней до трехрядного шоссе, ведущего к курорту, мы идем в разные стороны – он налево, я направо. Будь я на месте Кэсс, которая наверняка сбежала из дома, чтобы немного передохнуть, я бы сильно рассердилась, что меня нашли. Поэтому прохожу метров сто, заглядывая во все кафе и магазины, а потом заказываю себе кофе с молоком в уютном ресторанчике с камином, в котором горит огонь.

Проведя в нем примерно с час, я возвращаюсь назад в шале. Там, похоже, ничего не изменилось – разве что Мэтт куда-то ушел, а Саймон переместился к стеклянной стене, где и стоит, вперив печальный взгляд в долину. Хьюго еще нет, и я задаюсь вопросом, не стоило ли мне задержаться подольше, притворяясь, что я разыскиваю Кэсс.

– Никаких новостей? – спрашиваю я.

Милли грустно улыбается и качает головой.

– Пока нет, – отвечает она.

– Не представляю, куда она могла уйти, – хрипло восклицает Саймон, ударяя кулаком по стеклу. – Если с ней что-то случилось, я никогда себе не прощу!

Декабрь 1998 года, Ла-Мадьер, Франция

Я снова сижу на подъемнике. Ветер дует еще сильнее, мороз пронизывает до костей. Подъемник раз за разом останавливается – явно из-за тех немногочисленных безумцев, которые пытаются слезть с сиденья, не упав, когда ветер на вершине сбивает их с ног. Если он еще усилится, верхние подъемники придется остановить. Это означает, что у меня, возможно, осталась последняя попытка проверить тропу, прежде чем... Я должен найти их, думаю я. Просто обязан. Конечно, видимость отвратительная. Но они наверняка где-то там.

На подъезде к вершине моя рация оживает. Пальцы настолько окоченели, что я с трудом стаскиваю перчатку, чтобы расстегнуть нагрудный карман. Надеюсь, это Энди.

– Прием! – кричу я.

Передо мной возникает из тумана станция канатки, и я пытаюсь под напором ветра откинуть защитную перекладину.

– Прием! – кричу я в рацию снова, но тут ветер подхватывает перекладину, и она бьет меня по руке. Рация выскальзывает из заледеневших пальцев.

– Черт! – ору я, глядя, как рация исчезает из виду в тумане. Отбросив перекладину, спрыгиваю с сиденья в

снег.

И что теперь? Вернулись они в шале или нет? Может, вызов был не от Энди? Надо скорее проверить склон, а потом вернуться в офис, переговорить с напарником и узнать, не нашлись ли они.

Я спускаюсь медленней, чем когда-либо, закладывая широкие виражи. Видимость не больше метра, и я то и дело кричу:

– Эй! Есть тут кто-нибудь?

Никого. Все более-менее здравомыслящие люди попрятались по своим уютным шале и апартаментам.

Доезжаю до низа – там тоже безлюдно. Чувствуя, что меня вот-вот стошнит, оглядываюсь на наш офис.

Если у Энди результатов нет, придется что-то решать. Вот только если они действительно попали в беду, что бы мы ни сделали, будет слишком поздно.

Январь 2018 года, Лондон

Хьюго

Я всегда считал, что такие девушки, как Реа, – не для меня.

Не то чтобы я непривлекателен, скорее, я обыкновенный. Незапоминающийся. Даже моя мама с трудом отыскивает меня на старых школьных фото.

Поэтому я сам себе не поверил, когда на вечеринке Реа подошла познакомиться со мной. Это было корпоративное мероприятие, и я не хотел идти, но вечеринку устраивала моя компания, то есть я выступал вроде как приглашающей стороной – хотя мое участие в подготовке ограничивалось подписанием чеков. Я не особо люблю подобные сборища, но моя секретарша, Оливия, говорит, что, как владелец компании, я обязан на них присутствовать. Не понимаю почему, – если честно, моя скованность может скорее оттолкнуть потенциальных клиентов, чем привлечь. Оливия у нас умница и красавица, никогда не лезет за словом в карман, и лично я считаю, что лучше б она меня замещала, но нет. Так это не работает. По крайней мере, по ее словам.

– Клиентам нравится, что мы – небольшая компания с собственным лицом – вашим лицом, – утверждает Оливия. –

Когда они бронируют через вас отпуск, то чувствуют, что к ним подходят индивидуально.

– Но я же не работаю с клиентами! И уж точно не бронирую для них отпуска. И потом, большая часть заказов все равно проводится онлайн.

Она цокает языком и закатывает глаза.

– Ох, ну не надо так буквально! Вы прекрасно понимаете, что я имею в виду.

На самом деле я не понимаю, но опыт научил меня, что спорить с Оливией не имеет смысла.

На вечеринку нас везет мой водитель – на этот раз она состоится в Музее естественной истории. По крайней мере, у меня будет о чем поговорить с клиентами – можно обсудить экспонаты. Всем очень нравится синий кит, но есть и такие, кто предпочитает динозавра. Интересно, учитывала это Оливия, когда договаривалась об аренде помещения, – что у меня будет удобный повод завести разговор? Она знает, насколько я беспомощен в подобных ситуациях, и делает на это скидку. Даже не знаю, как бы я жил без нее.

Вечеринка начинается в восемь; мы прибываем в половину девятого. Я благодарен Оливии за то, что она больше не заставляет меня приходить к началу и приветствовать гостей, как раньше, когда она только начала у меня работать. К счастью, Оливия вскоре поняла, насколько неловко себя чувствуют при этом обе стороны. В каком-то смысле входить в зал, полный людей, сложнее, но в то же время и гораздо

легче. Когда приезжаешь попозже, все уже стоят с напитками в руках, каждый нашел коллегу или старого друга, с которым можно поболтать, и, соответственно, гости не так рвутся поздороваться со мной. Некоторые пытаются поговорить о бизнесе, что вгоняет меня в ступор, потому что я не знаю, как отвечать. Однако большинство, по моим наблюдениям, посещают такие вечеринки исключительно ради бесплатного шампанского. Оно обходится компании в целое состояние, но, по утверждению Оливии, отдела по связям с общественностью и бухгалтерии, которые лучше меня разбираются в подобных вещах, мероприятия, которые мы устраиваем два раза в год, стоят того, как свидетельство нашей «доброй воли» – что бы это ни означало. Я же верю им на слово, улыбаюсь и терплю. Ну или просто терплю.

Машина подруливает к музею, и водитель выходит открыть нам дверь.

– Готовы? – спрашивает Оливия.

Я издаю стон.

– Насколько это возможно.

– Это всего два часа из вашей жизни. Максимум три. Попробуйте получить удовольствие.

– У меня не получится. Никогда не получалось... – Я изображаю на лице подобие улыбки. – Так лучше?

Она вздыхает.

– Немного... Ну ладно, заходим.

Как только мы вступаем в двери, гул волной накатывает-

ся на меня. Как это может кому-то нравиться? Пара потных мужчин в дешевых костюмах с именными бейджами подходят пожать мне руку. Один начинает что-то говорить про группу отелей, которую недавно приобрел, – вроде как она отлично нам подойдет. Я улыбаюсь ему и периодически киваю, но даже не слушаю. Терпеть не могу подобные ситуации. Мне гораздо больше нравится вести дела по электронной почте – даже телефонные звонки наводят на меня ужас. Мне хочется скорее вернуться домой.

– Как думаете, вас это может заинтересовать? – напирает он.

– Возможно, – отвечаю я расплывчато, потому что понятия не имею, что он там наплел. Я перестал слушать после первой минуты, и сейчас надо как-то выходить из положения. Протягиваю ему свою визитную карточку: – Можете написать моему секретарю, и мы что-то придумаем. Вы же понимаете, такие решения не принимаются с бухты-барахты. По крайней мере, в нашей компании. И уж точно не мной.

Я специально репетировал этот ответ – его сочинила Оливия. Она смотрит на меня с умилением мамыши, четырехлетний сынок которой только что исполнил на утреннике свою первую роль – подразумевая нечто вроде «видишь, я же говорила, что ты справишься!». Наверное, это должно мне казаться унижительным, но в действительности нет – без нее я не справился бы. У меня вспотели ладони. Я не хочу говорить со всеми этими людьми.

– Было очень приятно познакомиться, но сейчас мне пора к другим гостям. Буду ждать вашего имейла, – добавляю я. Это полная ложь – я уже забыл и как зовут этого парня, и на кого он работает.

– Конечно-конечно, – говорит он, выхватывая свою карточку и суя ее мне в ладонь. Я немедленно передаю ее Оливии, которая корчит гримасу; только тут я вспоминаю, что она говорила мне, как это грубо.

– Отдаю Оливии на хранение, – бурчу я, делая и без того неловкую ситуацию еще тягостней.

– Я напишу вашему секретарю завтра же, – говорит мой собеседник, отступая в сторону.

Оливия награждает меня утомленным взглядом.

– Ну что такое? – спрашиваю ее.

– Вы знаете, – шипит она, закатывая глаза.

– Идемте, возьмем вам коктейль.

Меня так и подмывает напомнить ей, что со мной лучше быть повежливее, поскольку я плачу ей зарплату, но в последний раз, когда я так сделал, Оливия пригрозила увольнением. Этого я точно не хочу. Это была бы настоящая катастрофа.

Оливия берет два бокала с подноса у девушки в черном платье, таком обтягивающем, что проглядывают соски. Приходится себе напомнить, что я не должен обращать внимания на подобные вещи, и перевести взгляд на ее лицо. Оливия протягивает мне бокал и говорит:

– Итак. Полчаса общения, потом короткая речь. Еще полчаса общения, а потом можете ехать домой и усаживаться за свои компьютерные игры или чем вы там занимаетесь в свободное время. Договорились?

– Угу.

Женщина в деловом костюме проталкивается к Оливии и начинает что-то талдычить про проблемы с канале. Я предпочел бы дождаться, пока она закончит, чтобы Оливия пошла со мной дальше, но женщина утаскивает ее за собой, так что я остаюсь один.

Меня охватывает паника: я стою посреди огромного зала, полного сбившихся в группы людей, которые обмениваются шутками и смеются – как я смогу подойти к одной из них и начать говорить? Да, я заплатил за вечеринку, но это не облегчает мне задачи циркулировать среди незнакомцев и заговаривать с ними. Сейчас, когда все они выпили по паре бокалов и встретили коллег по индустрии, то наверняка забыли, что пришли сюда вроде как пообщаться со мной.

Я ставлю свой бокал на стол, где благополучно его забываю. Думаю пойти в мужскую комнату пописать, чтобы чем-то занять время, но тут передо мной возникает женщина с блестящими темными волосами, в узком платье цвета изумруда. Первое, что приходит мне в голову, – она похожа на русалку.

– Мистер Редбуш? – Женщина склоняет голову к плечу и протягивает мне бокал шампанского.

– Просто Хьюго, – говорю я. Это Оливия велела мне так делать. – А вы?..

– Реа. У меня компания по устройству праздников, называется... хм... «Реа-Ивентс».

Я смеюсь, хоть она и не сказала ничего смешного.

– Иногда мы бронируем локации и отели через «Редбуш Холидейз», вот почему я...

– Очень мило, что вы пришли, – отвечаю ей. – Надеюсь, вам нравится вечеринка?

Я говорю как викторианский джентльмен... или Монтгомери Бернс из «Симпсонов». Мне плохо удаются беседы с женщинами. Я заглядываю Реа через плечо, пытаюсь отыскать Оливию.

– Здесь чудесно, – говорит она, проводя пальцем по ободку бокала с шампанским. – Я хочу сказать, вы выбрали прекрасное место. Никогда не бывала здесь раньше.

– Вы не ходили в детстве в музей? – спрашиваю я.

– Нет. – Она делает паузу. – Детство у меня было так себе. Но вряд ли вы хотите сейчас о нем услышать.

На самом деле я хочу, но настаивать, наверное, будет невежливо.

Реа смотрит на меня сквозь длинные темные ресницы.

– Если честно, я не очень люблю вечеринки. Вечно чувствую себя неловко... Конечно, приходится ходить ради поддержания деловых связей, но, признаться, я предпочла бы посидеть в уютном баре, поболтать с кем-нибудь один на

Один...

Я улыбаюсь.

– У меня ровно то же самое.

Она наматывает прядь темных, почти черных волос на палец. Я чувствую прилив возбуждения и снова паникую – что, если она сейчас уйдет?

– Все эти люди, – продолжает Реа. – Так утомительно! Мне кажется, я выбрала не ту профессию. Я зарабатываю тем, что устраиваю вечеринки и праздники, но пускай мне лучше выколуют глаза, чем самой на них ходить. На самом деле, мне тяжело общаться с людьми.

Я опять улыбаюсь.

– Прекрасно вас понимаю. Конечно, я не должен так говорить, но подобные мероприятия приводят меня в ужас. Я тоже предпочитаю общаться тет-а-тет.

Брр... Не слишком ли слащаво? Что за дурацкий подкат! И тут откуда-то сбоку возникает Оливия:

– Ну, я разобралась. Так что...

– Оливия, это Реа. Она управляет агентством «Рео-Ивентс» и иногда бронирует локации через «Редбуш».

Представить собеседников. Дать им какую-то информацию друг о друге. Оливия будет в восторге – именно этому она уже давно пыталась меня научить. Я не хочу, чтобы сейчас она потащила меня болтать с какими-то унылыми мужиками в костюмах – мне хочется остаться здесь и побеседовать с Реа. Это единственная женщина, которая заговорила

со мной за весь вечер, и единственный человек, с которым я познакомился не только тут, но и вообще в последнее время, да так, чтобы мне захотелось продолжить общение.

Оливия протягивает руку:

– Реа! Приятно познакомиться. Спасибо, что пришли. Как вам тут? Нравится вечер? Надеюсь, вы извините Хьюго, но ему пора произносить речь...

– Очень приятно было поболтать с вами, Реа. Я бы хотел продолжить нашу беседу позднее, – вступаю я. Кажется, мои щеки покраснели. До чего я неловок! Не прозвучало это слишком уж прямо? Что, если я ее спугнул? Может, лучше притворяться незаинтересованным, чтобы она не приняла меня за маньяка? Вдруг сочтет, что я пытаюсь ее преследовать? Наверное, я держался неподобающе; в конце концов, она ведь клиентка! Вдруг решит, что теперь обязана пойти со мной выпить, если я ее приглашу? Общение с женщинами в наши дни – настоящее минное поле.

– То есть я хотел сказать, если вы не против... – Я запинаясь.

Оливия глядит на часы, явно смущенная моим поведением.

– Хьюго, нам надо...

– С удовольствием, – отвечает Реа к моему вящему изумлению.

У Оливии отваливается челюсть. Я потираю руки, а потом мысленно клянусь себя за это.

– Отлично! Что ж, я сейчас выступлю с речью, а потом можем отправиться в какое-нибудь тихое местечко. Уютное. Только вы и я. Ну, как вы говорили...

Она застенчиво улыбается:

– О да. Это было бы замечательно.

Оливия хватается меня за руку и натянуто улыбается Реа.

– Вы же нас извините?

– Увидимся у сцены через двадцать минут, – говорю я, оборачиваясь к Реа, пока Оливия тащит меня за собой.

– Что это было? – шипит она мне на ухо.

– А в чем дело? Я что, не могу пригласить девушку выпить? Ну, или женщину?

Оливия закатывает глаза.

– Можете, конечно, но сейчас не время и не место. Вы должны общаться с клиентами, а не кидаться на первую встречную, нацелившую на вас свои сиськи. Вы тут босс – не надо быть таким *подобострастным*.

Я слегка шокирован – Оливия никогда не говорила со мной в таком тоне. Точнее, говорила, и не раз, но я никогда не слышал из ее уст слов вроде «сиськи». Она вздыхает, останавливается и разворачивается ко мне лицом.

– Простите. Кого вы приглашаете или не приглашаете – это ваше личное дело. Всё так. Я просто не хочу, чтобы вас... использовали.

Я не совсем понимаю, что она имеет в виду. Конечно, есть женщины, которых привлекают мои деньги, но разве это

означает, что мне нельзя позвать кого-нибудь выпить? Иногда мне кажется, что именно поэтому я до сих пор один. Очень легко решить, что женщина проводит со мной время только ради моих денег. Иногда это действительно так. Но я тешу себя надеждой, что различаю таких барышень за версту. К тому же даже если принимать в расчет охотниц за деньгами, женщины вокруг меня в штабеля не укладываются.

– Спасибо за беспокойство, но я взрослый мальчик, Оливия, и могу принимать собственные решения, – высокомерно отвечаю я.

– А теперь не пора ли начинать презентацию?

Презентация занудная, как обычно, но я читаю текст на автомате, и все вежливо хлопают, вне всякого сомнения считая минуты до того, как смогут вернуться к своему шампанскому. Мне трудно сосредоточиться, потому что я только и думаю, будет ли Реа дожидаться меня у сцены, как мы договорились, или она уже сбежала с друзьями и рассказывает им теперь, каким тюфяком я показал себя во время нашего разговора. Возможно, специально поспорила, что заговорит со мной, заключила пари... Такое у меня тоже бывало – правда, много лет назад (по крайней мере, насколько мне известно). Интересно, взрослые так поступают? Честное слово, не знаю.

Я схожу со сцены и вижу Реа – она именно там, где я рассчитывал ее найти. Мое лицо растягивается в улыбке. Судя по всему, на этот раз я выступил не так уж плохо.

– Готовы? – спрашиваю.

Она улыбается в ответ:

– Готова.

Я игнорирую Оливию, которая отчаянно пытается остановить меня, чтобы я еще побыл на вечеринке и пообщался с гостями. Ну уж нет, бизнес подождет.

* * *

Мы едем в мой клуб, хоть я и не уверен, что это подходящее место, чтобы пригласить туда Реа. Да, он уютный, закрытый, но назвать его модным, наверное, нельзя. Вот только я практически никуда не хожу, и просто не знаю, куда еще с ней поехать.

Мы сидим на низком диване лицом к лицу, держа в руках пузатые стаканы джин-тоника с горошинами перца и веточкой розмарина, которые тут подают. Я не считаю себя интересным собеседником, но разговаривать с Реа очень легко, и она смеется моим вымученным шуткам. Периодически прикасается к моей руке, когда хочет подчеркнуть какую-то фразу, а через пару коктейлей ее бедро уже прижимается к моему. Несмотря на мою неуверенность в том, что касается следующего шага, пару часов спустя я спрашиваю, не согласится ли она поехать ко мне, и она отвечает «да». Почему-то меня это не удивляет.

Январь 2020, Ла-Мадьер, Франция
Реа

Пока я, поднявшись наверх, переодеваюсь в сухое, Кэсс является домой. Я слышу снизу какой-то шум, а когда, переодетая, спускаюсь по лестнице, она уже сидит на одном из необъятных диванов, держа Иниго на коленях, и Сара топчется рядом. Глаза Кэсс блестят, и она опять нервно теребит рукава своего безразмерного кардигана. Такое впечатление, что это Кэсс – няня, а Сара – избалованная молодая жена. Кэсс выглядит не на своем месте в этой роскошной обстановке, а дорогая дизайнерская одежда на ней кажется дешевой, да еще и не по размеру. Сара, напротив, абсолютно спокойна. Возможно, она уже работала няней в богатых семьях.

– Реа! – восклицает при моем появлении Кэсс с напускной живостью. – Мне очень жаль, что вы проискали меня так долго. Я просто проснулась пораньше, пошла погулять и забыла взять телефон – мне и в голову не пришло, что кто-то будет волноваться...

Взгляд у нее отсутствующий – похоже, она принимает антидепрессанты. Мне кажется или Хьюго упоминал о послеродовой депрессии?

– Ну конечно, с чего бы вдруг? – резко бросает Саймон.

И куда только подевался тот «заботливый встревоженный муж», которого он недавно изображал!

– Мэтт потерял из-за нас целое утро, обзванивал больницы и полицию, а Хьюго с Реа бегали по округе, разыскивая тебя. Собственно, Хьюго до сих пор бродит где-то на морозе – я не могу ему дозвониться, чтобы сказать, что ты вернулась.

– Насчет меня не беспокойтесь, – вмешивается Мэтт. – Никаких проблем. Для этого я и здесь. – Он бросает взгляд на часы. – Но раз всё в порядке, и Кэсс благополучно вернулась домой, надеюсь, вы не будете против, если я...

– Нет-нет, ну что ты! – восклицает Саймон, фамильярно хлопая Мэтта по спине. – Я только хотел извиниться за то, что ты потерял столько времени из-за *моей жены*.

Последние слова он произносит таким презрительным тоном, что проще было бы прямо сказать «моей безмозглой жены» и покончить с этим.

Кэсс склоняется над Иниго, притворяясь, что не слышит, но я вижу, как от выпада Саймона у нее краснеют щеки и выступают слезы на глазах.

– Никакого беспокойства, – напыщенно повторяет Мэтт. – Позже я еще зайду к вам. На случай если вам что-то понадобится.

Как только Мэтт выходит за двери, лицо Саймона мрачнеет.

– Ладно, Кэсс. Раз уж ты вернулась, я пойду найду Хьюго

и сообщу ему *хорошую новость*, что ты здесь. Нельзя позволить, чтобы он и дальше бродил по такой погоде без всякой причины.

Саймон награждает Кэсс последним уничижительным взглядом – она все еще держит на коленях Иниго и делает вид, что не замечает мужа, – и вылетает из шале, громко хлопнув за собой дверь.

Кэсс поднимает на меня глаза.

– Прости, что растревожила всех, Реа.

Она снова смотрит на ребенка, и по щекам у нее медленно катятся слезы.

Я присаживаюсь рядом с ней. Хотя мы едва знакомы, в это мгновение мне ее жаль. Любой почувствовал бы жалость на моем месте.

– Ты в порядке? – беспомощно спрашиваю я. – Принести тебе что-нибудь?

Кэсс качает головой.

– Все хорошо. Извини, что из-за меня поднялся такой шум. Я просто хотела немного побыть одна.

Она возвращает ребенка обратно Саре, которая подходит с ним к окну вроде как полюбоваться видом. По-моему, на самом деле она прислушивается к нашему разговору. Я осторожно глажу Кэсс по ноге и говорю «понимаю», хотя на самом деле не понимаю ничего. Иниго постоянно на руках у Сары, и, на мой взгляд, у Кэсс не должно быть проблем с тем, чтобы побыть наедине с собой. Возможно, она хотела

сказать «побыть без Саймона» – *это* я могу понять...

Из глаз у нее выкатывается еще пара крупных слезинок, и Кэсс вытирает их ладонями.

– Так странно тут находиться, – шепчет она; голос у нее хриплый. – Когда-то давно Саймон приезжал сюда с бывшей девушкой. Знаю, это глупо, но... мне ужасно неприятно. Я все гадаю – вдруг ему тогда было лучше, чем сейчас со мной и с Иниго...

Она опускает взгляд, словно смущенная этим внезапным приступом откровенности, да еще передо мной. Снова смахивает слезы.

Я ласково глажу ее по руке, думая про себя, что она чересчур впечатлительная. Какая разница, с кем Саймон приезжал сюда раньше? Да уж, послеродовая депрессия делает с людьми странные вещи...

– Не будь дурочкой, – говорю я своим самым сочувственным голосом. – Сейчас он с тобой, у вас общий ребенок! Вы – вся его жизнь. Ты бы видела, как он волновался, когда не знал, куда ты подевалась сегодня утром.

Кэсс всхлипывает и смотрит на меня.

– Правда?

Я склоняю голову к плечу.

– Правда. Честное слово, тебе не о чем беспокоиться. Он тебя обожает.

У нее на лице проступает слабая улыбка.

– Спасибо. Да. Наверное, я и правда дурочка. Просто по-

сле родов и всего остального... У меня такое ощущение, что я потеряла себя. Вот и думаю всякое, перебираю неприятные воспоминания... Например, про... ну, ты знаешь.

Пару секунд мы сидим в молчании. Я растерянно глажу ее руку. Понятия не имею, о чем она, но сейчас нет смысла ей это сообщать.

– Наверное, я лучше пойду прилягу, если ты не против, – говорит Кэсс, подхватываясь с дивана. – Надеюсь, Саймону удастся быстро отыскать Хьюго. Погода сейчас не для прогулок. И пожалуйста... ты же не скажешь Саймону, о чем мы с тобой говорили, правда? Мне бы не хотелось, чтобы он знал, какой глупой и ревливой я могу быть. Наверняка это из-за гормонов. Саймон очень меня любит. Не надо мне было заводить этот разговор... И беспокоить тебя своими дурацкими мыслями...

Кэсс опять натягивает рукава кардигана до самых кончиков пальцев, уставившись в пол. Я вижу, как она покраснела.

– Ну конечно, – заверяю ее. – И не тревожься насчет Хьюго – ему это в радость, я уверена. Бродить по снегу, изображать из себя героя – он обожает и то и другое.

«И любая возможность оказать услугу Саймону для него – дар божий», – добавляю я про себя.

После того как Кэсс удаляется вверх, Сара с Иниго на руках подходит и присаживается рядом со мной. Она укладывает его себе на колени, и малыш улыбается ей.

– Бедняжка Кэсс, – пробую я почву. – Похоже, материн-

ство дается ей непросто.

Сара щекочет Иниго, и мальчуган хихикает от удовольствия. Он похож на большой круглый футбольный мяч и тем, кто любит младенцев, наверняка кажется очаровательным.

– Да уж, – отвечает Сара. – Она очень... славная и хочет, конечно, быть хорошей матерью, но я и представить не могу, как бы она справлялась без моей помощи. Да даже и с ней у Кэсс не очень-то получается. – Она поднимает на меня глаза. – Черт, простите, наверное, не стоило это говорить... – Хмурит брови. – Вы же ей не расскажете?

Я улыбаюсь.

– Конечно, нет, – отвечаю, хотя в действительности ее слова меня немного шокировали. Кэсс (ну или Саймон), в конце концов, ее работодатель, а я – практически чужой человек. Очень странно, что она вот так вот обсуждает их со мной. Я решаю, что лучше нам сменить тему, и интересуюсь:

– Давно ты работаешь няней?

Сара заводит ручки Иниго ему за голову, и тот снова хихикает. Похоже, у нее природный талант общаться с детьми.

– Не очень, – отвечает она, по-прежнему глядя на Иниго, а не на меня, и строя рожицы, чтобы его рассмешить. – Кэсс – вторая мама, к которой я попала. Но у меня куча младших братьев и сестер, так что я умею обращаться с малышкой.

– И где ты работала раньше? – спрашиваю я, пытаюсь распознать ее акцент – бристо́льский? лондонский? Трудно сказать.

Сара подхватывает Иниго и резким движением встает с дивана.

– В Дубае, – отвечает она. – В другой английской семье. Слушайте, не хочу показаться грубой, но, наверное, мне лучше пойти проверить, как там Кэсс. Приятно было поболтать.

Я не успеваю даже ответить – Сара уже поднимается по лестнице, словно спешит отделаться от меня.

* * *

От кофе, который я выпила, пока притворялась, что ищу Кэсс, мое похмелье стало только хуже, так что я тоже иду прилечь.

Беру свой планшет, чтобы почитать новости, но он открывается на вкладке с электронной почтой. Внутри у меня все переворачивается, сердце начинает колотиться – я уверена, что не могла оставить его так.

Снизу доносится стук входной двери, потом тяжелые шаги по ступеням, и сразу за этим распахивается дверь в нашу спальню.

– Кэсс вернулась! – объявляет Хьюго.

– Да, знаю. Мы с ней немного поболтали. Мне ее очень жаль – похоже, ей сейчас непросто. Лично я думаю, что Саймон мог бы проявлять больше сочувствия. Да и няня у них – просто сучка, как оказалось... Слушай, Хьюго, ты брал мой «Айпэд»?

Он хмурится.

– Нет. Почему ты спрашиваешь?

– То есть ты не копался в моей электронной почте или в контактах, ничего такого?

Он целует меня в лоб. Похоже, маленькая драма с временной пропажей Кэсс до того его затянула, что он забыл, как разозлился на меня с утра за вчерашнее поведение.

– Ну конечно, нет! С какой стати?

Я пожимаю плечами.

– Не знаю, – отвечаю, подтаскивая к себе подушки с его стороны кровати, чтобы сесть выше, потому что меня снова начинает тошнить. Хьюго выдвигает ящики комода и роется в шкафу, переодеваясь в лыжный костюм.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я.

– Собираюсь вставать на лыжи. Мы с Саймоном идем кататься. И так уже убили почти половину дня...

Я смотрю в окно, за которым почти горизонтально метет снег.

– Кататься? В такую погоду? На меня не рассчитывай.

– Будет здорово! Свежая трасса. Нельзя же приехать в такую даль и не покататься из-за плохой погоды! Да и Саймон вряд ли обрадуется, если я откажусь пойти из-за пары снежинок, так?

Я пожимаю плечами.

– Как угодно. Надеюсь, вы оба знаете, что делаете.

Хьюго натягивает теплые подштанники, вскакивает с по-

стели и смачно целует меня в губы.

– Все будет о'кей – Саймон нанял инструктора, чтобы тот провел нас вне трассы. А ты отдохни пару часиков, и будем делать с тобой ребенка. Приложение показывает, что сегодня твой самый фертильный день.

Я морщусь: это отвратительно, что он следит за моим циклом – от этого я чувствую себя призовой коровой. Не надо было ему позволять скачивать приложение. Но поскольку ссориться у меня нет сил, я слабо улыбаюсь и говорю:

– Буду ждать. Увидимся позже. Развлекайся!

Декабрь 1998 года, Ла-Мадьер, Франция

Я хочу сесть на подъемник, но оператор грозит мне пальцем. «*Trop de vent*», – говорит он. Слишком ветрено. Такое ощущение, что я сейчас взорвусь. Это конец. Никаких больше поисков клиентов. Если у Энди не получилось, нам придется что-то предпринять. Дальше откладывать нельзя – мы и так слишком долго тянем. Я думаю попросить у оператора его рацию, чтобы связаться с Энди, но это практически то же самое, что объявить о пропаже во всеуслышание. А какой смысл подрывать себе репутацию, если клиенты могут сидеть в своем шале, набивая рты пирогом?

Часть меня сознает, что правильной и разумней было бы сообщить спасателям – просто на всякий случай, – но что они смогут сделать? Вертолет в такую погоду не взлетит, к тому же вот-вот стемнеет. Ситуация хуже некуда.

– Все нормально, – шепчу я сам себе. – Нормально. Энди уже с ними. Сидят где-нибудь в баре, хвастаются приятелям, что спускались по коридору в жутких условиях... Все нормально. Нормально.

Дыхание у меня немного успокаивается. Я не стану порочить доброе имя компании из-за парочки идиотов, притворившихся более опытными лыжниками, чем они

есть, которые, я уверен на 99 процентов, в полном порядке. Они в порядке. Я в порядке. Мы в порядке. Все будет в порядке.

Я направляюсь к нижнему склону, который тоже практически пуст, и встаю в очередь на подъемник до нашего офиса в надежде узнать, что мы еще не в полном дерьме. Из-за ветра подъемник еле движется, замирая на каждом шагу. Снежная крупа впивается мне в лицо. Проще, наверное, было надеть лыжи и вскарабкаться по склону самому. Когда я, наконец, добираюсь до места, операторы закрывают все станции, включая нашу, – ветер слишком сильный. Я проезжаю короткое расстояние до офиса и распахиваю дверь.

– Какого черта ты не отвечаешь по рации? – вопит Энди.

– Я ее уронил! – огрызаюсь в ответ. – У тебя получилось дозвониться?

– Нет. Искал документы, которые они заполняли. Тебе, между прочим, стоило бы тут прибраться; у меня это заняло кучу времени.

– Дозвониться в шале получилось? – нетерпеливо переспрашиваю я. Сейчас неподходящий момент отчитывать меня за беспорядок.

– Нет! Из-за чертовой рации! Не хватало еще, чтобы все услышали, что мы – ты! – потеряли их; ты же еще мог их найти...

– Но не нашел, – рявкаю я. – В каком они шале? Энди заглядывает в бумаги.

– Они не указали. И ты уже знал бы об этом, если

б не орал на меня тут! Я пытаюсь помочь! Они – твои клиенты, не мои.

– Они – наши клиенты. Нашей лыжной школы. Мы в одной лодке.

– Но вышли они с тобой, – замечает Энди холодно.

Делаю глубокий вдох. Сейчас не время. Надо как-то перетянуть его на свою сторону.

– Нам обоим лучше успокоиться. Их компания – «Паудер Пафф». Помнишь того приставучего менеджера, который ходил за ними на вершине, – он сказал, что это его клиенты. Где их шале?

– У «Паудер Пафф» их тут несколько. Надо звонить им в офис. У тебя есть номер?

– Где-то был...

Я копаюсь в залежах бумаг у себя на столе, чувствуя нарастающее напряжение, пока Энди, эта бесполезная сволочь, не поторапливает меня:

– Ну давай же!

– Ты только мешаешь! – ору в ответ. – Вот, он тут. Ричард – так зовут менеджера, – говорю, хватая телефонную трубку и набирая номер.

– Ричард? Привет. Это Кэмерон из «Ски-тастик». Мы сегодня катались с парой твоих клиентов, и они сбежали в самоволку. Да, те, которых ты со мной видел. Нет, недавно... Думаю, с ними всё в порядке, но не мог бы ты позвонить к ним в шале и проверить, там они или нет? Они не указали, в каком именно шале остановились... ДА, ЗНАЮ! Мне это тоже не нравится... Слушай, мы же на одной стороне, да?

Ладно... Ладно. О'кей – перезвони мне, как только поговоришь с их управляющей. Я в офисе. Спасибо, дружище, ага.

Энди опускается на стул и обхватывает голову руками.

– Это плохо.

– Может, они у себя в шале, – говорю я, улавливая отчаяние в собственном голосе.

– А если нет?

– Тогда где-нибудь в баре, – предполагаю я, в действительности опасаясь худшего.

– И как мы это узнаем? Тут куча баров! Они могут быть где угодно!

– Если они спустились, то должны были уведомить нас об этом, правильно? – напоминаю я. Звучит неубедительно, даже для меня самого.

– Должны были, но ты же знаешь этих туристов – они особо не думают. А ведь уже темнеет...

– Я считаю, нам надо подождать до шести, – говорю я.

– А если они не вернутся?

– Ну тогда, думаю... думаю, придется сообщить спасателям.

– Которые ничего не смогут сделать при такой погоде.

Повисает пауза.

– Если они не вернутся, у них нет шансов.

И тут звонит телефон.

2018 год, Лондон

Хьюго

После того как Реа провела у меня первую ночь, она, по сути, больше не уезжала. Я не мог поверить собственной удаче. Не помню, чтобы просил ее переехать, – все произошло само собой. Сначала я освободил ящик для ее вещей, потому что она постоянно у меня ночевала, потом комод, потом ее почта стала приходить на мой адрес, «потому что так проще, ведь я все время здесь». Я нисколько не возражал; раньше я еще никогда не жил с женщиной, и при виде ее вещей, разбросанных по квартире, чувствовал, что теперь это настоящий дом, а не просто место, где можно поиграть в «Икс-бокс» и отоспаться после работы.

Примерно через месяц Реа сказала, что нет смысла дальше платить аренду за ее квартиру – я же не против, если она перевезет ко мне оставшиеся вещи? Только тут я сообразил, что никогда не был у нее в гостях. И спросил почему.

Ее лицо погрузнело.

– Моя соседка постоянно там торчит. Да и к тому же мне неловко тебя приглашать – это настоящая дыра.

Я взял ее за руку.

– С какой стати тебе стесняться? Жилье в Лондоне доро-

гое, времена для бизнеса непростые – нет ничего постыдного в том, что порой приходится экономить.

– Да, но ты-то вон где живешь! – Она обвела рукой квартиру – указала на окна в пол с видом на Тауэрский мост, новехонькие колонки «Бэнг энд Олуфсен» и раннего Дэмиена Хёрста¹, которого я купил на прошлое Рождество и повесил на стену с оголенной каменной кладкой над восстановленным камином. – Приди ты ко мне в гости, я бы чувствовала себя бедной родственницей. Раньше у меня была собственная небольшая квартирка, довольно симпатичная – хотя, конечно, ничего похожего на твою, – но... в общем, пришлось ее продать.

Я кивнул, предположив, что она не смогла выплачивать ипотеку. Такое случается сплошь и рядом. Я крепко обнял Реа, прижал к себе, а потом отпустил, ощутив острый прилив любви при виде слез у нее на глазах.

– Ты же знаешь, деньги на эту квартиру и на собственный бизнес я унаследовал от отца. Да, пришлось потрудиться, но в целом мне все досталось на блюде. И я сомневаюсь, что справился бы сам, без Оливии и других людей, которые куда лучше меня разбираются в делах. – Я снова обнял ее и поцеловал в лоб. – А ты строишь свой бизнес с нуля. Как по мне, это впечатляет куда больше, чем обладание собственным жильем.

¹ Дэмиен Стивен Хёрст (р. 1965) – английский художник, предприниматель, коллекционер произведений искусства.

Реа слабо улыбнулась.

– Я тебя люблю, – сказала она и спрятала лицо у меня на груди.

Мой рот растянулся в улыбке. Впервые она признавалась мне в любви.

– Я тоже тебя люблю, – ответил я. Мне уже давным-давно хотелось ей это сказать.

* * *

После того дня наши отношения развивались со скоростью света. Оливия их не одобряла – я выслушал немало намеков на охоту за деньгами и тому подобное, – но я был влюблен, и Реа меня любила, я это точно знал. А если и нет, то все равно понимал, что лучше ее мне не найти. И мне этого было достаточно. Я ее любил. Знал, что буду ей хорошим мужем, а она мне – хорошей женой и... собственно, чего еще можно желать от брака? Я никогда еще не был так счастлив, как с ней, и уж точно не хотел возвращаться к прежней жизни. Я хотел жениться на Реа, завести с ней детей, покупать ей красивые вещи, делать ее счастливой. Вот чего я хотел от жизни, и Оливия не могла мне помешать.

Мне было около сорока, Реа – почти столько же, поэтому, если мы хотели детей, не стоило терять время. Спустя шесть недель после нашей первой встречи я повез ее в Париж и сделал предложение на вершине Эйфелевой башни. Воз-

можно, идея не самая оригинальная, но она сказала «да» — и это главное.

Три месяца спустя мы поженились в Лас-Вегасе — только мы двое, ни семьи, ни друзей. Реа не хотела традиционную свадьбу, а я не возражал, если ей так нравилось. Она согласилась прекратить прием противозачаточных, и мы много занимались сексом. По крайней мере, в первые несколько месяцев.

Ее бизнес по организации мероприятий рос благодаря моим финансовым вливаниям. Но из-за терактов и колебаний валютного рынка дела «Редбуш Холидейз» немного пошатнулись. Вот почему я так отчаянно нуждался в том, чтобы Саймон стал нашим инвестором, — и хотел, чтобы Реа пришла мне на помощь и держала себя в руках.

Январь 2020 года, Ла-Мадьер, Франция
Рера

Пока Саймон и Хьюго катаются, я посиживаю на диване со своим «Айпэдом». Когда рядом никого нет, тут по-настоящему здорово. Кожанный диван, на котором я устроилась, покрытый пушистыми пледами и меховыми подушками, превосходит удобством все, на которых мне приходилось сидеть. Повсюду роскошные мягкие ковры, вид из окон восхитительный; Милли уже разожгла камин, и в нем негромко потрескивает огонь. Никакого сравнения с домиком на колесах, в котором я в детстве проводила каникулы. Только с Хьюго я познала настоящую роскошь. На мне дизайнерский свитер и кашемировые носки от «Уайт компани». Мне так уютно и тепло, что о катании на лыжах – да еще по такой отвратительной погоде, – и думать не хочется. Будь у меня возможность остаться тут одной – не поддерживать разговоров с унылой Кэсс, не угождать ее престарелому муженьку и не отбиваться от приставаний Хьюго, – я была бы почти счастлива.

Спустя полчаса кто-то стучит в двери. Это Мэтт. Вот черт – знай я, что он зайдет, по крайней мере, нарядилась бы... Поправляю волосы и улыбаюсь.

– Привет.

Он тоже улыбается:

– Здравствуйте, Реа. Вот, решил зайти, проверить, всё ли в порядке после того... случая с Кэсс сегодня утром. Как она?

– Заходите!

Я затаскиваю его в дом, морщась при виде метели, бушующей снаружи. Мэтт вытирает ноги о коврик и проходит.

– Садитесь, – приглашаю я, указывая на потрясающий диван. Надо бы узнать, от какого он бренда, чтобы попытаться убедить Хьюго купить нам домой такой же. – Думаю, с Кэсс всё в порядке. Она у себя в спальне. Наверное, задремала.

Мэтт кивает и садится на один конец дивана, в то время как я, подогнув ноги, устраиваюсь на противоположном. Его глаза пробегают по моему телу и останавливаются на лице. Я еле заметно усмехаюсь.

– Что ж... хм, – начинает он, краснея. – Я видел, что парни отправились кататься... Саймон что-то говорил про инструктора... кажется, они собирались спуститься вне трассы?

– Ага, – я киваю. – Но меня в такую погоду на гору не заманишь.

– Я утром катался – совсем недолго, – говорит он. – С учетом условий, никакого удовольствия.

– Это точно, – соглашаюсь я.

Наступает пауза. Мэтт, судя по всему, гадает, помню ли я, как приставала к нему вчера, или забыла, потому что пе-

репила. Подержу его пока что в неведении.

– И чем вы собираетесь заняться, раз остались дома? – интересуется он.

– Думала просто немного поваляться. Шале такое чудесное, хочется провести в нем побольше времени... Я прямо-таки наслаждаюсь.

– Да, шале очаровательное, – соглашается Мэтт. Потом смотрит в панорамное окно. – Одно из моих любимых. Вы выбрали его из-за вида?

– Отчасти. Я занимаюсь организацией праздников и давно положила на него глаз – прекрасная локация.

Это не вся правда, но почти – то же самое я сказала и Хьюго.

– Когда муж стал искать, куда бы пригласить Саймона, чтобы произвести на него впечатление – он рассчитывает, что Саймон инвестирует в его компанию, – я предложила это место, и вот... в общем, мы здесь.

Мэтт кивает. Повисает неловкое молчание, полное сексуального напряжения. Мы оба сознаем, что тут происходит. Но нас разделяет длинный диван, я – клиентка Мэтта, и я замужем, так что ни один из нас не знает, как действовать дальше, тем более когда мы трезвые.

– Отличный выбор, – откликается наконец Мэтт.

– Правда, внезапно выяснилось, что Саймон приезжал сюда со своей бывшей, – продолжаю я, – и Кэсс это не нравится. Наверное, отчасти по этой причине она и предприняла

сегодня утром пешую прогулку, из-за которой все так всполошились.

– Ох! Бедняжка Кэсс... Наверное, рождение ребенка делает женщину... – Он сбивается, поняв, что это не совсем уместная тема – по многим причинам. – Надеюсь, с ней всё в порядке. Она выглядит немного... – Мэтт откашливается. – В общем, это не мое дело. Давайте поговорим о чем-нибудь другом. Возможно, если завтра погода наладится, я мог бы пригласить вас покататься... показать вам курорт. Конечно, вместе с Кэсс, и с парнями, если им захочется, – тут же поправляется он. – Это входит в наши услуги. Мне, правда, придется снять куртку с логотипом – не хочу, чтобы местные инструкторы подумали, будто я наступаю им на пятки, – но, поскольку компания у нас небольшая, мы стараемся...

– Звучит потрясающе, – перебиваю я Мэтта, чтобы он не вернулся к обычной роли управляющего, уже прикидывая в уме, как бы отделаться от остальных. – Давайте встретимся в десять, в «Шусс-кафе».

Мэтт расплывается в улыбке.

– Прекрасно. Я сегодня приглашен к вам на ужин, тогда и обсудим детали. Если до того вам что-нибудь понадобится, дайте мне знать. Передайте от меня привет Кэсс – не буду ее беспокоить, раз она отдыхает.

– Непременно.

– Желаю парням хорошо покататься сегодня.

– И это я тоже передам.

Мы оба встаем и идем к двери.

– Ну что же... – говорит Мэтт.

Я склоняюсь к нему, подставляя щеку. Мэтт слегка краснеет, не зная, как поступить. Я кладу руку ему на плечо, и мы обмениваемся *бизу* – поцелуями в обе щеки, как принято у французов, словно я всегда так прощаюсь с людьми; но на самом деле нет, мне просто захотелось к нему прикоснуться.

Я коротко пожимаю ему руку.

– Увидимся завтра.

Декабрь 1998 года, Ла-Мадьер, Франция

– Алло? Ричард?.. Ясно. Ок. Спасибо... Да-да, обязательно. Похоже, других вариантов нет... Слушай, сейчас, думаю, не время, правда? Угу. Буду держать тебя в курсе. Пока.

– И что? – спрашивает Энди. Глупый вопрос. Разве так не ясно?

– Их там нет.

– Тогда что мы будем делать? Сколько времени назад они пропали?

Я смотрю на часы, потом в окно. На улице темнеет, ветер гудит, как реактивный двигатель, и по-прежнему валит снег.

– Может, еще и не пропали! – огрызаюсь я. – Просто мы не знаем, где они.

Я начинаю ходить взад-вперед по офису, но он такой тесный, что меня охватывает клаустрофобия.

Энди берется за телефонную трубку.

– А это разве не то же самое? Пора вызывать спасателей. Мы не можем просто сидеть тут и ждать. С ними точно что-то случилось.

– Но, – пытаюсь возразить я, – мы же дали себе время до шести. Может, они сидят сейчас в баре и надоедают какому-нибудь бедолаге рассказами о том, как потеряли

своих инструкторов и сами героически спустились по коридору...

– Вот только, помимо всего прочего, их менеджер, Ричард, уже в курсе. Поэтому, если они не вернутся...

– А если вернутся, все будут считать нас бездарными идиотами, – перебиваю я.

Энди протягивает трубку мне.

– Так что, по-твоему, надо делать?

– Ладно. Звони.

«Дейли мейл»

29 декабря 1998 года

Двое граждан Британии пропали без вести на курорте Ла-Мадьер во Французских Альпах.

Двое братьев в возрасте 22 и 24 лет, имена которых пока не разглашаются, катались вне трассы с местными гидами в неблагоприятных погодных условиях и пропали без вести на склоне.

Поисковая команда была вызвана незамедлительно, но до сих пор следов туристов не обнаружено.

Братья проживали в шале компании «Паудер Пафф» со своими девушками, которые остаются на курорте в ожидании результатов поиска.

Пресс-секретарь «Паудер Пафф» заявляет, что «компания глубоко обеспокоена исчезновением двух гостей и надеется, что они будут найдены целыми и невредимыми. Пока же мы стараемся максимально поддерживать остальных членов их группы».

Январь 2020 года, Ла-Мадьер, Франция
Реза

Милли входит в гостиную со свежее испеченным пирогом и подносом, на котором расставлены чашки горячего шоколада с кусочками зефира, практически одновременно с Хьюго и Саймоном, ворвавшимся к нам по лестнице из сушилки, расположенной в подвале.

– Добрый вечер! – приветствует их Милли, осторожно опуская поднос на мраморную столешницу. – Как прошел ваш день?

– Холодрыга, ветер – в общем, потрясающе! – восклицает Саймон, сдирая с себя слишком тесную лыжную куртку от «Порше» и швыряя ее на стул.

– Хьюго? – спрашиваю я, слегка раздраженно. Я знаю, что мой муж катается не особо уверенно, поэтому вряд ли получил сегодня удовольствие, хоть он ни за что этого не признает, даже наедине со мной. Но на самом деле он и на улице не вышел бы по такой погоде, если б не отчаянное стремление угодить Саймону.

– О да, очень хорошо, – принужденно отвечает Хьюго, тоже снимая куртку («Блэк кроуз» – я выбирала) и передавая ее Милли. Я замечаю, что куртка насквозь промокла – су-

дя по всему, он пару раз упал. – Жду не дождусь завтрашнего дня! – добавляет Хьюго. – Мы снова наняли того же инструктора. Он классный.

Я делаю вид, что расстроилась.

– О, как обидно! Я бы тоже покаталась с вами завтра, но уже договорилась встретиться с Мэттом в «Шуссе» в десять часов – он сказал, что покажет мне курорт... Ты не против?

Лицо Хьюго напрягается – он явно недоволен тем, что я поеду кататься с Мэттом после обвинения во флирте, который, честно говоря, действительно имел место, – но я знаю, что в присутствии Саймона муж возражать не станет.

– Да, конечно, – небрежно бросает Хьюго. – Может, потом пообедаем вместе?

– Отличная идея! – Я расцветаю в улыбке. – Это будет *восхитительно*.

Утыкаюсь обратно в свой «Айпэд», уверенная в том, что закроется подъемник, я заблужусь или произойдет еще что-нибудь, что помешает мне явиться к обеду.

– Кэсс тоже может поехать, если захочет, – добавляю я, прекрасно зная, что она вряд ли захочет. Судя по лыжному уроку, на котором я недолго побыла с ней вместе, кататься ей совсем не нравится, так что отделаться от Кэсс будет легко. Но можно, чтобы подстраховаться, «побаловать» ее – забронировать день в спа.

Милли разрезает пирог, раскладывает куски на блюдца и раздает всем присутствующим.

– Хьюго, Саймон, из головного офиса мне сообщили, что вы хотели познакомиться с Кэмероном, владельцем этого шале и еще нескольких на нашем курорте. Он может прийти сегодня на ужин – если, конечно, вас это устроит. Что вы скажете?

Саймон кивает с набитым ртом.

– Отлично, – бормочет он, рассыпая изо рта крошки. Потом с трудом заглатывает кусок и громко рыгает. – Пардон!.. Да, ждем с нетерпением.

– Тогда решено, – отвечает Милли. – Я дам ему знать. А теперь, если вам ничего не нужно, я пойду займусь ужином.

– Он должен быть на высоте, раз босс приходит, так ведь? – Саймон хихикает.

– Безусловно. Хотя, я надеюсь, и остальные блюда, которые я готовлю, вам нравятся, да?

– Тут можешь не сомневаться. Мы будем говорить о тебе только хорошее, – заявляет Саймон, таращась на ее роскошную грудь. С тем же успехом он мог бы шлепнуть Милли по заду. Не представляю, как она это терпит.

– Благодарю. Я буду на кухне, если вам что-то понадобится. А так – увидимся в восемь, когда я подам закуски.

– Звучит здорово, Милли, большое спасибо, – говорю я, чтобы Саймон снова не ляпнул какую-нибудь сальность.

Хьюго оборачивается, чтобы посмотреть в панорамное окно.

– Вот это снегопад! – замечает он.

Саймон хлопает его по спине.

– Ну и здорово! – громогласно восторгается он. – Только представь, какой паудер² будет завтра!

² *Паудер* – свежавыпавший снег, образующий гладкую и мягкую поверхность для катания.

Декабрь 1998 года, Ла-Мадьер, Франция

– Главное – согласовать, что мы будем говорить, – предупреждаю я Энди, как только разговор по телефону заканчивается.

– В каком смысле? Я ни при чем. Не впутывай меня!

– Нет, ты при чем! Мы были вместе, когда потеряли их. И вместе потом искали.

– И это очень плохо, потому что...

– Ничего подобного! – рявкаю я. – Но мы потеряли своих туристов и, мало того, затянули с оповещением властей. Особенно с учетом погоды. – Тру ладонью лицо. – Это серьезное дело, Энди.

– Но босс-то у нас ты! И не устаешь мне об этом напоминать.

Я хватаю Энди за грудки и притягиваю к себе так, что наши лица почти соприкасаются.

– Мы были вдвоем – и я не припоминаю, чтобы кто-то настаивал на вызове спасателей, – рычу я. – Мы оба временами ехали слишком быстро, не заботясь о клиентах. Оба! И отвечать будем вдвоем. Улавливаешь? Попробуешь меня утопить, и я утащу тебя за собой. Мы оба себя проявили не с лучшей стороны. Действовали не так, как следовало бы, не правда ли? Ричард видел с клиентами нас обоих. По документам мы вдвоем

владеем компанией, хоть деньги и были практически полностью мои. Так что ты отвечаешь наравне со мной. Ясно?

Энди яростно вырывается из моей хватки.

– А ну пусти!.. Ладно. Давай решим, что будем говорить.

«Дейли мейл»

30 декабря 1998 года

Один из двоих туристов, пропавших на курорте Ламадьер во Французских Альпах, был найден живым в результате продолжительных поисков. Вчера его в критическом состоянии доставили в госпиталь в Гренобле.

Второй мужчина, предположительно его брат, до сих пор считается пропавшим без вести. Франсуа Дельпон, руководитель поисковой группы, заявил: «Наши специалисты продолжают поиски на горе, где братья катались на лыжах, но погодные условия сильно осложняют нам работу. Мы очень рады, что одного из них удалось найти живым. Поиски второго брата продолжатся, сколько будет нужно, с учетом погодных условий».

«Двое мужчин катались с местными инструкторами, которые сейчас помогают нашим экспертам выяснить, что произошло. Пока никто не был арестован, и по всем признакам данное происшествие является лишь трагическим несчастным случаем».

Декабрь 1998 года, Ла-Мадьер, Франция

В комнате для допросов жуткая духота. Сейчас раннее утро, и я проторчал в участке всю ночь, дожидаясь, пока полицейские отыщут кого-нибудь, кто говорит по-английски, чтобы снять с меня показания. Из-за стресса мне не хотелось бы отвечать на вопросы на французском, чтобы быть полностью уверенным в своих словах.

Официально я не обязан дожидаться, пока меня допросят, но если сказать им, что я не стану сидеть и ждать переводчика, в то время как двое туристов пропали без вести, это может показаться странным, верно? Наконец, дверь открывается, и ко мне заходит мужчина с равнодушными глазами, в полицейской форме.

Я встаю, и он протягивает мне руку. Я пожимаю ее, и мы оба садимся.

– Спасибо, что пришли, – говорит полицейский. – Извините, что заставили вас ждать.

– Ничего страшного. Но это был очень долгий день, и я смертельно устал. Давайте перейдем к вопросам, и тогда все мы сможем немного отдохнуть.

Это звучит чуть более резко, чем я предполагал. Надо сохранять спокойствие. Придерживаться плана,

напоминаю я себе.

– Думаю, вы уже знаете из новостей, что одного из мужчин нашли, – говорит офицер.

Волна облегчения прокатывается по моему телу, сразу же сменяясь паникой. Как он, жив? В сознании? Понимает ли, что мы слишком поздно вызвали спасателей? Где он был? Видел ли нас? Что он расскажет властям? Скажет, что мы ехали чересчур быстро? А может, это просто ловушка?

– Нет, я этого не знал! – едва не кричу я. – Почему никто не сказал мне?

– Должен перед вами извиниться, – отвечает полицейский и на мгновение прикрывает глаза, а потом опять смотрит мне в лицо. – Как вы уже сказали, это был долгий день, и все мы порядком вымотались. Наверное, вам не сообщили просто по недосмотру.

Ну да, конечно. Игры разума – вот на что это похоже.

– Так, значит, он...

У меня в крови бушует адреналин; на мгновение мне кажется, что меня сейчас стошнит. Он умер. Он мертв. Сейчас мне скажут, что он погиб. Я в этом уверен.

– Его уже доставили в госпиталь. Последнее, что я знаю, – он еще не очнулся. Врачи делают все возможное, но что будет дальше, пока непонятно.

Я киваю. Паника не отступает. Что, если он умрет? Или если другого найдут мертвым? По французским законам это считается убийством? Меня что, посадят в тюрьму? И почему я этого не знаю? Почему не озабочился проверкой, прежде чем открыл – нет, мы

открыли – собственный бизнес? Тут нет моей вины, напоминаю себе. Я ни при чем.

– А что второй?

Полицейский мрачнеет.

– Поиски продолжаются, насколько позволяет погода, но, боюсь, шансов почти нет, согласны?

Я сначала мотаю головой, а потом киваю. Даже не знаю, что отвечать. У меня потеют ладони; вытираю их потихоньку о штаны.

– Вы не могли бы своими словами рассказать, что произошло с того момента, как вы встретились с этими двумя мужчинами, и до вашего звонка в службу спасения? – говорит офицер.

Я судорожно сглатываю.

– Хорошо. Так... я встретился с ними в три часа. Погода уже портилась, но они приехали всего на неделю, поэтому, как и большинство туристов, все равно хотели кататься.

Он кивает.

– Понятно. А раньше вы с ними встречались? Они подписывали договор?

Договор! Там же есть дисклеймер! Они подписали дисклеймер! Внезапно я чувствую себя гораздо лучше. Спасибо тебе, господи, что французы так любят всякие бумажки.

– Ну конечно, – говорю я, хотя вспомнил об этом только сейчас. – До этого они приходили к нам в офис подписать стандартный договор: имя, адрес, уровень владения лыжами, обычный дисклеймер, что

они катаются на собственный страх и риск, контактная информация...

Я упоминаю о дисклеймере как бы вскользь, но офицер делает соответствующую пометку. Внешне я сохраняю невозмутимость, хотя внутри меня все ликует.

– Ясно. А вы не заметили ничего необычного?

– Нет, ничего необычного. Вот только они написали, что оба опытные лыжники, а на самом деле их уровень оказался гораздо ниже.

– Я вас понял. И когда это выяснилось?

– Как только мы начали спуск.

– Хорошо. И что вы сделали?

– Видите ли, они сказали, что хотят на бэк-кантри, но я понял, что им такое не под силу, да и к тому же, с учетом их опыта и погодных условий, это в любом случае была не лучшая идея, – добавляю я осторожности ради, хотя на самом деле просто поленился их переубеждать, да еще и боялся, что в такую погоду спуск займет целую вечность. – Поэтому я решил провести их по Черному коридору – знаете его?

Полицейский кивает.

– Официально коридор проходит вне трассы, но начинается и заканчивается у станций канатки, и он не особо сложный, поэтому я решил, что это будет компромисс – я обеспечу клиентам безопасность, а они получат то, что хотели.

Черт, не надо было этого говорить! Я ведь не обеспечил им безопасность. Но это не моя вина. Не моя

вина.

– Понимаю. И когда вы поняли, что они пропали?

– Мы начали спускаться довольно медленно, и сначала я шел впереди – вне трассы я обычно веду клиентов, так безопаснее, особенно при плохой погоде. Но тут возникла небольшая проблема, потому что один из них оказался любителем скорости и стал меня обгонять, а его брату не хотелось отставать, и он погнался за ним.

Вот это хорошо. Они сами виноваты. Я ни при чем.

– Сначала все шло неплохо. Погода, конечно, испортилась, но они двигались достаточно уверенно, меньше останавливались, быстрее поворачивали, и приходилось даже напоминать им, чтобы не рвались вперед и следовали за мной. Потом мы добрались до того поворота – знаете, да? Они снова уехали вперед, а когда я миновал его, спустя всего пару секунд, их нигде не было.

Я снова вытираю ладони. Хотел бы я знать, где они нашли того парня... Я ведь понятия не имею, что на самом деле произошло и когда, кто ехал первым, кто вторым и на каком этапе, – я ничего не запомнил. Но я не собираюсь это говорить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.